
С Новым годом, товарищи!
ОГОНЁК

В новогоднюю ночь.
Фотоэтюд Ю. Королева.

На первой странице обложки: рисунок В. С. Климашина.

На последней странице обложки: — Никому не говори!..
Фотоэтюд А. Бочинина и Ю. Кривоносова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 1 (1490)

1 ЯНВАРЯ 1956

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Пути-дороги юности

Этот снимок был сделан за несколько минут до наступления 1955 года. И вот его история.

В Колонном зале Дома союзов десятиклассники встречали Новый год. Для них это был особенный год — год зрелости, вступления в самостоятельную жизнь. Будущее, о котором они мечтали и размышляли, уже началось. Надо решить, по какой из бессчетных путей-дорог пойдут молодые люди...

Нам хотелось заснять какую-нибудь группу десятиклассников, сохранить фотографию, а год спустя встретиться с участниками этого бала. Что произойдет в их жизни за двенадцать месяцев?

Фотоаппарат, установленный на штативе, терпеливо ждал в нижнем фойе, пока десять молодых людей, которых вы видите на снимке, спускались по главной мраморной лестнице. После того, как щелкнул затвор аппарата, мы собрали их вместе и переписали имена.

Познакомьтесь с ними. Впереди с Валей Куфтыревой, что в белой кофточке, и Ларисой Трембовельской идет Володя Кузьмин. Сзади них, ближе к перилам, Борис Струнин и Андрей Шведов. А пара справа — это Саша Сидоров и Надя Выборнова. На заднем плане — Саша Карунин, Неля Черткова и в сером пиджаке Анатолий Амочкин.

Что еще узнали мы от них в тот вечер?

Что им по шестнадцать — семнадцать лет. И что им весело. И что, по их мнению, через год мы сможем их найти...

...Прошел год, и мы в гостях у Нели Чертковой. Мы

Это песня вольная,
Мир душевной прелести,
Это годы школьные
С аттестатом зрелости,

Это даль безмерная,
Утро жизни раннее,
Это выбор первого
Своего призвания,

Это вызов косному,
На пути стоящему,
Это в ногу с вёснами,
Верность настоящему,

Это всемогущие
Образцы умения,
Это взлет в грядущее
И ничуть не менее!

Сергей СМИРНОВ

Пути-дороги юности

показываем ей и ее давнишней подруге Наде Выборновой старую фотографию.

Девушки не могут смотреть без смеха: какие они были комичные!

— У тебя косички с бантиками!

— А воротнички на школьной форме! Ну, совсем дети...

Надя Выборнова теперь рабочий человек. На конвейере одного из московских радиозаводов она монтирует сложную аппаратуру.

— Как вы чувствуете себя на заводе?

— Отлично! Я ведь не одна такая, многие выпускники десятилеток сейчас работают на производстве, и, надо сказать, все очень довольны. Как это увлекательно — проникать в сокровенные тайны техники, постигать их, чувствовать себя не просто исполнителем, а творцом! Счастливая мысль пришла мне — пойти на завод.

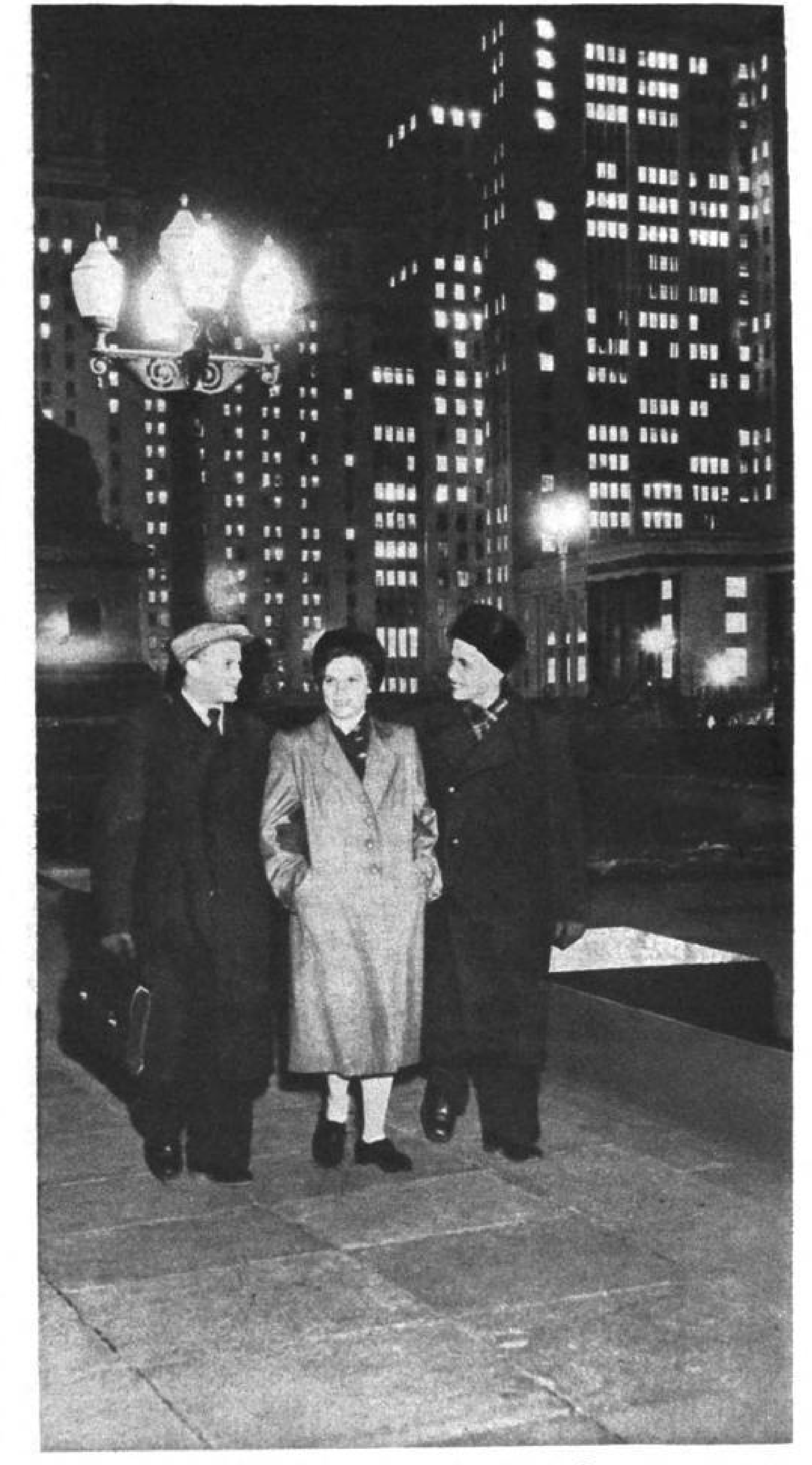
Надя Выборнова имеет еще одну обязанность — она наблюдает за учебными успехами своей младшей сестры, семиклассницы. И наблюдает неплохо — сестра учится только на «четыре» и «пять».

Неля Черткова, получившая золотую медаль, стала студенткой Московского института инженеров железнодорожного транспорта имени И. В. Сталина.

Оба Саши — Карунин и Сидоров, — впервые встретившись в ту новогоднюю ночь, увиделись второй раз за чертежной машиной в одной аудитории. Они студенты Московского инженерно-физического института.

Призвание инженера-физика не передалось им по наследству. У Карунина отец — агроном, у Сидорова — шофер. Но юноши решили, что в атомный век самая интересная отрасль знаний — физика. Единственно, в чем разошлись их мнения, — это в специализации. Карунин увлечен общими теоретическими изысканиями, Сидоров — электроникой и телемеханикой. А пока, пока они учатся изображать на чертежной бумаге самые элементарные механизмы.

Потом мы отправились на Ленинские горы. Оказалось, что те трое, что вышли на нашем снимке крайними слева,— Борис Струнин, Андрей Шведов и Валя Куфтырева — поступили в Московский университет.

Можно даже не называть факультеты, на которых они учатся. Об этом нетрудно догадаться, если перечислить по нескольку фактов из их пока коротких, но поучительных для каждого школьника биографий.

Валя Куфтырева.

Когда училась в школе, каждый раз после экзаменов уезжала в «экспедицию» — или в Подмосковье, или на Волгу, или на Кавказ. Интересовалась всем: почвой, растительностью, животным миром. Собранный ею гербарий «Водно-болотная растительность Вологодской области» экспонировался на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Но с шестого класса возникла и все затмила страсть к коллекционированию образцов горных пород — «каменная болезнь», как называют ее геологи. С тех пор Валя не расстается с тяжелым на длинной ручке молотком, как и с книгами Ферсмана, Обручева.

Борис Струнин.

В школе № 348, в старших классах, самый любимый предмет — химия. Эта школа — непременный участник всех химических олимпиад. Струнину удавалось занимать первые и вторые места в конкурсах, которые устраивались для школьников в МГУ, Институте имени Менделеева, при Доме пионеров. Все бывшие ученики, поступившие на химфак МГУ, вели химический кружок в школе. Теперь получил кружок и Борис Струнин.

Андрей Шведов.

Если вы внимательно вглядитесь в прошлогодний снимок, то увидите на левом лацкане его пиджака рядом с комсомольским значком другой: белый кружок с изображением Эльбруса и ледоруба. Он получил его за восхождение на Азау-баши. Его мечта — заштриховать хоть одно белое пятно на географической карте. Таких у него несколько на примете. Это те, что в горах Средней и Центральной Азии.

ПГС — так именуется специальность, обладателем которой станет через два года Анатолий Амочкин.

ПГС — промышленное и гражданское строительство.

«Строительство растет, и специалисты ПГС будут нужны стране», — решил Анатолий по окончании школы.

Он не пошел в вуз, а поступил в Московский архитектурно-строительный техникум. Его, как десятиклассника, приняли сразу на третий курс. Но начинать все равно пришлось с азов, например, с приготовления цементного раствора.

Сейчас Амочкин ощущает себя не только учащимся, но и производственником. Не так далеко время, когда он сумеет внести свой вклад в грандиозное строительство, которым занят советский народ.

Студенты Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева, увлеченные тяжелой атлетикой, два раза в неделю после занятий собираются в спортивном зале. Там на помосте и состоялась наша встреча с Владимиром Кузьминым.

Володя считает своим последним важным достижением то, что он выжал сегодня штангу, которая превышает его собственный вес.

— А успех на конкурсе при поступлении в институт?

— Но это же было давно. А истый спортсмен не должен оглядываться на старые рекорды.

— А как дела с учением?

— Штанга дается труднее, — ответил он.

Мы повидали девятерых. Осталась еще одна встреча — с Ларисой Трембовельской.

И вот мы сидим в зрительном зале Большого театра. Вспыхивает многоцветная рампа. Разлетаются в стороны золотые створки парчового занавеса, и в тот же миг раздается марш Бизе. Дают «Кармен». Идет последний акт.

Ослепительно освещена сцена. Окруженные пестрой толпой, мчатся в вихре горделивого болеро танцующие пары.

Ларису мы узнали сразу. Вот она в центре нашего снимка, сделанного из первого ряда партера. Она стоит позади испанца с гитарой. На ней широкая зеленая юбка с тремя рядами черных кружев, белый веер в правой руке и алые розы в волосах и на груди...

Вот что принес тем, кто снят на нашей старой фотографии, только что прошедший 1955 год, первый год их самостоятельной жизни.

В. ПОЛЫНИН

Фото А. Гостева.

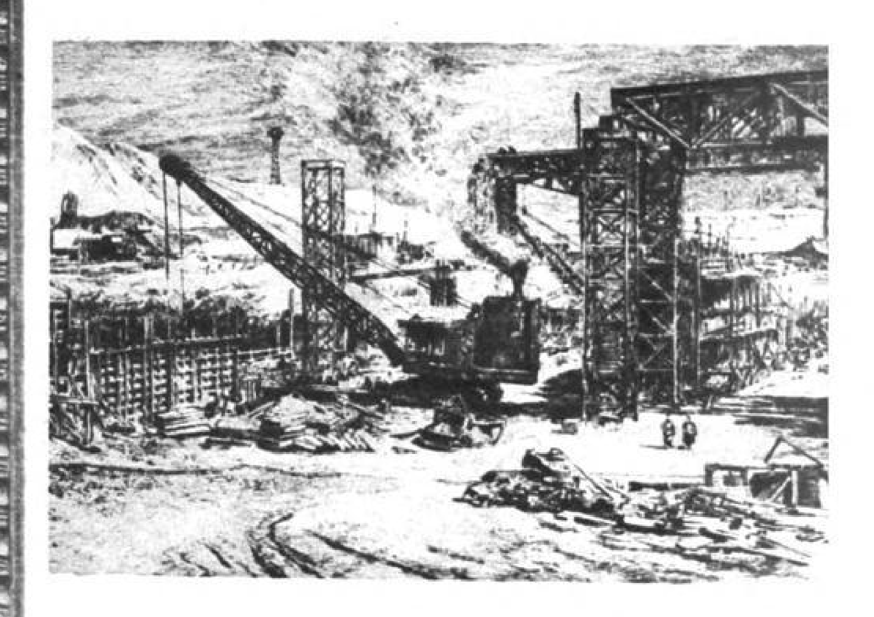

Этюды и рисунки, вывезенные художником из его путешествий по родной стране или за ее рубежами, — это короткий, но взволнованный рассказ об увиденном. В этих, часто мгновенных впечатлениях, занесенных на бумагу, картон, холст или просто в записную книжку, есть ощущение самой жизни.

Редакция журнала «Огонек» обратилась к группе советских и иностранных художников с просьбой прислать такие свои «рассказы об увиденном» в минувшем 1955 году.

Некоторые из полученных нами рисунков мы публикуем в этом номере.

Огни Ангары

Большая часть моей творческой деятельности — а мне уже 70 лет — отдана Байкалу. Я видел Байкал и в те далекие времена, когда в его водах ходили 3—4 суденышка, а местом ночлега для путешественника чаще всего служил шалаш. Тогда появление парохода здесь было огромным событием.

Иным стал Байкал теперь: берега его озарены множеством огней, заселены, застроены, и воды Байкала то и дело бороздят суда. А нынче претворяется в жизнь давнишняя мечта здешних старожилов: полным ходом идет строительство мощной электростанции. И увиденные мною тут в 1955 году картины заслонили все красоты наших чудесных мест. И мне думается: для художника нет ничего почетнее, как быть сегодня среди тех, кто создает эти грандиозные сооружения.

В 1955 году я закончил серию гравюр, посвященных Ангарстрою; они были представлены на всероссийской выставке в Москве. В новом, 1956 году я выполню здесь еще четыре станковых офорта — хочу показать вдохновенный труд людей Ангарстроя. Затем спущусь вниз по реке, чтобы запечатлеть пейзажи строительства Братской ГЭС.

Б. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Иркутск.

В дни фестиваля

Сто тысяч юношей и девушек, собравшихся на стадионе в Варшаве в день открытия Всемирного фестиваля молодежи. И сто миллионов юных сердец, бившихся в унисон с ними во всех странах мира... Это был самый замечательный день, пережитый мною в 1955 году.

Я инженер-строитель. Изобразительное искусство — моя вторая профессия. Одну из зарисовок, сделанных во время фестиваля, я посылаю советским друзьям из «Огонька».

Ежи ГЛИЩИНСКИЙ

Варшава.

Четвертая сессия Верховного Совета СССР

Состоялась четвертая сессия Верховного Совета СССР четвертого созыва.

Сессия рассмотрела следующие вопросы: о Государственном бюджете СССР на 1956 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1954 год; утверждение Указов Президиума Верховного Совета СССР; об обмене делегациями между Верховным Советом СССР и парламентами иностранных государств; доклад о поездке Советской Правительственной Делегации в Индию, Бирму и Афганистан.

С докладом о поездке Советской Правительственной Делегации в Индию, Бирму и Афганистан выступил Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. А. Булганин. С большой речью на сессии выступил Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев.

На снимках: Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев выступают на сессии.

Фото Дм. Бальтерманца

В Жигулях перед Новым годом

«20 часов 35 минут местного времени. Агрегат № 1 пущен на обороты».

Краткая, деловая запись... Но прежде чем появиться ей в журнале дежурств по машинному залу Куйбышевской ГЭС, должно было пройти пять трудных лет. За ней, за этой предельно лаконичной записью, многое. И первый ковш с мерзлой землей, поднятый во вьюжном феврале 1951 года на правом берегу Волги, у Могутовой горы, примерно в том месте, где стоит ныне агрегат № 1. И те тяжкие минуты, когда подземные воды прорывали перемычки, когда экскаваторы вязли в глине, когда морозом схватывало бетон. И решительный бой в октябре 1955 года, знаменитое перекрытие Волги, которую заставили покинуть свое прежнее русло и течь там, где это понадобилось людям. И, наконец, то, что уже предшествовало записи о первых оборотах.

В эти дни, в канун XX съезда КПСС, заканчивался монтаж первых агрегатов — двух турбин и двух генераторов. Здесь все было в новинку. Подобных машин — ни по размерам, ни по мощности — у нас еще не строили. И поэтому, хотя и собрались в Жигулях монтажники бывалые из бывалых, созванные сюда с разных строек, они чувствовали себя поначалу новичками, первоклассниками. Но большой рабочий опыт помог им быстро освоиться, перешагнуть из первого класса в десятый и с отличием сдать выпускной экзамен.

Итак, 23 декабря 1955 года в 20 часов 35 минут по местному времени, согласно записи в журнале дежурств, агрегат № 1 был «пущен на обороты».

Это значило, что, подняв стотонный щит, воде открыли доступ в спиральную камеру турбины, а затем и к лопастям ее рабочего колеса. И все, кто находился в машинном зале, замерли в ожидании первого движения, первого поворота вала. Вот он, легкий, едва уловимый шум, который постепенно нарастает. Вал под напором ринувшейся вперед воды начал медленно вращаться, потом все быстрее, быстрее, набирая обороты... И тут уж, как ни сдерживайся, невольно зааплодируешь вместе со всеми, невольно обнимешь соседа, хотя ты с ним и незнаком.

Первые обороты!

Один из монтажников, человек, многое повидавший на стройках, сказал мне, что первые обороты, или, как говорят, холостая прокрутка машины,— это «самое что ни на есть страшное в нашей монтажной жизни...». Страшно, потому что хотя и веришь в свои силы, но ничего не знаешь про машину — про ее характер, про ее причуды. Как она себя поведет? Не будет ли перегреваться подпятник? Не будет ли вибрировать вал? Не будет ли трясти крестовину?

Вот уже и не первые, а сотые, тысячные, десятитысячные обороты... Температура у подпятника нормальная! Не вибрирует вал. И крестовину не трясет. Есть приборы, которые все это точно определяют. Но кто-то из монтажников по старинке ставит на крестовину круглую крышечку от чернильницы, на ребро ставит, и крышечка не катится, не падает. Плавно, спокойно работает машина.

Утром ее останавливают, потом снова пускают, включив уже и возбудитель генератора,—и в обмотках рождается ток. Да, первый ток! Он пока еще никуда не идет и, циркулируя по обмоткам, греет их.

Так начинается сушка генератора собственным током — процесс обязательный и зависящий целиком от количества влаги в генераторе. Откуда она? Ну как же, машину

транспортировали издалека, потом она лежала на складе, потом ее собирали на открытом воздухе. Было откуда набраться влаге. И пока ее не удалят полностью, всю до капельки, машину нельзя ставить под промышленную нагрузку.

Все время, пока агрегат работал на холостом ходу, был на сушке, его не покидали те, кому он обязан своим рождением. Здесь представители ленинградских предприятий — завода имени Сталина и «Электросилы» — монтажники, строители. И здесь уже несут вахту эксплуатационники, работники электростанции. Правда, пока они еще не хозяева, но скоро, совсем скоро монтажники передадут им свою власть над машиной.

Приглядимся к тем, кто сейчас в машинном зале.

Вот в стороночке, позади других, словно бы и не имеет он особо близкого отношения к машине, стоит, поглядывая поверх низко сдвинутых на нос очков, мастеровой пожилых лет, в синем стеганом ватнике, в шапке-ушанке. К нему подходит ведущий конструктор генератора М. Я. Каплан, и по тому, как они беседуют, вы понимаете, что этот старый мастеровой не последнее здесь лицо. А потом вам говорят, что это «сам» Механиков Тарас Афанасьевич, шеф-монтер, под чьим наблюдением велась вся сборка генератора. Это он сейчас в стороночке, когда дело, можно сказать, сделано. А когда дело на полном развороте, он всегда в самом пекле. Революция шла — в патруле стоял у Смольного. Гражданская началась — на Южном, на Западном фронтах. Первую гидростанцию строили — Тарас Механиков на Волхове... В блокаду ленинградскую еле ходил, а все же ходил, на завод, конечно. Когда прорвали блокаду, он поехал. Куда? На Волхов. Восстанавливать то, что строил.

Все время забегает в зал могучий в плечах Павел Черняев, бывший тихоокеанский матрос из боцманской команды, а ныне бригадир такелажников. Про Черняева говорят, что, прикажи ему перенести Могутову гору с правого берега на левый, он попросит только тросов потолще да лебедку посильнее и мигом перекантует горушку... Во всяком случае, статор невиданных размеров и веса он впервые в монтажной практике «перенес» в готовом виде со сборочной площадки в кратер турбины.

Вот стоят рядышком два человека, которые знают друг друга лет тридцать, с той еще поры, когда они, сын полтавского железнодорожника и кочегар с Ладоги, слушали лекции в Политехническом институте. А потом защищали дипломные проекты, а потом работали в конструкторском бюро. И опять они здесь рядом, парнишка из Полтавы, ныне главный конструктор завода имени Сталина, член-корреспондент Академии наук СССР Николай Николаевич Ковалев и кочегар с Ладоги, теперь руководитель большого коллектива монтажников Иван Васильевич Никифоров.

Все сосредоточенны, все очень серьезны в машинном зале. Сосредоточен, серьезен и начальник смены Виктор Николаевич Бочков. Но взгляните на него в тот момент, когда он думает, что за ним не наблюдают. И вы увидите на лице у него сияющую улыбку. Начальнику смены в такой серьезный момент не пристало улыбаться, а вот он улыбается. Простим это Виктору Николаевичу: ведь ему только двадцать три года, а быть в таком возрасте начальником смены в машинном зале Куйбышевской ГЭС — большое, конечно, счастье, и скрыть это счастье очень трудно, просто невозможно.

...Уже закончена сушка генератора, на которую ушло всего шестьдесят часов. Уже светится несколько лампочек на пульте управления. И рукоятка, которая, повернувшись, включит агрегат в сеть, в энергетическое кольцо, уже ждет прикосновения руки дежурного инженера.

А. СТАРКОВ

Курс на «Землю тайн»

Евгений РЯБЧИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Есть на африканском берегу, на южной его оконечности, там, где смыкаются Атлантический и Индийский океаны, порт Кейптаун. Вот уже десять лет подряд в этом порту, расположенном недалеко от мыса Доброй Надежды, в Столовой бухте, неожиданно начинает звучать русская речь и слышатся песни советских матросов,—это бывает в дни прихода в Кейптаун кораблей китобойной флотилии «Слава». Но сейчас, когда «Слава» еще находится в южнополярных морях на охоте за китами, в разгар лета, в Кейптауне вновь послышалась русская речь: сюда прибыл флагманский корабль антарктической экспедиции дизельэлектроход «Обь».

Порт Кейптаун, живописно расположившийся у подножия Столовой горы, со своим фуникулером, пестрыми улицами, свистками паровозов, ревом авиационных моторов трансафриканских линий, шумом причалов — важная веха на большом пути «Оби» от Калининграда до берегов Антарктиды. Пройдено семь тысяч миль — расстояние значительно большее, чем от Москвы до Владивостока по железной дороге. Отсюда начинается самая важная часть путешествия — переход от мыса Доброй Надежды к побережью «Земли тайн».

В Кейптауне лето, тепло. Но это не экваториальная жара, подпалившая многих «антарктидцев». Климат в Кейптауне примерно такой, как на побережье Средиземного моря, считается он целебным. Самая низкая температура в зимнюю пору здесь — двенадцать градусов тепла. Но сейчас над Южной Африкой светит летнее солнце, и материк, как и зеленый океан, источает потоки раскаленного воздуха. А дальше, на юг от берегов Африки, будет холоднее, появятся плавучие льды, вырастут в тумане голубеющие громады айсбергов, засвистит разъяренный штормовой ветер. Корабельные радисты уже ловят сообщения со «Славы» о жестоких штормах. В эфире прозвучали тревожные сигналы кораблей, бившихся с бурей в районе «сороковых ревущих».

...Ежедневно наши летчики заглядывают в холодильник, где лежат зеленые елочки. С ними связан такой эпизод. В Калининградском порту встретились моряки парохода «Сухуми» с летчиками авиационного отряда И. Черевичного. Разговорились о походе в Антарктиду. Моряки спросили:

— А есть ли у вас для встречи Нового года елка?

Выяснилось, что елки нет, и тогда капитан «Сухуми» Аркадий Александрович Бромберг направил матросов на шлюпке рубить елки, и они привезли несколько молодых зеленых елочек. Пока «Обь» шла по зимней Балтике, по темному от тумана Ла-Маншу, елочки чувствовали себя хорошо, но у берегов Африки они сникли, стали желтеть. Летчики, взявшие шефство над ними, отнесли деревца в холодильник, стали оберегать их. Теперь они нужны для новогоднего праздника. Специально созданная новогодняя комиссия решила одну елочку установить в судовом клубе, другую — в кают-компании.

Сейчас, когда судно миновало мыс Доброй Надежды, в салонах, клубе идет деятельная подготовка к празднику: хор разучивает песни, частушки, сочиненные корабельными писателями; танцоры репетируют «Казачка», «Польку»; художники готовят оформление концерта. Шеф-повар Михаил Захарович Урясьев таинственно шепчется со своими помощниками: он не раз удивлял нас кулинарными талантами, а на этот раз решил блеснуть сервировкой и яствами.

По тому, как готовятся полярники и моряки к новогоднему празднику, можно понять, что на корабле образовался сильный, сплоченный коллектив. Мы все были незнакомы до выхода из Калининграда, а теперь каждый знает юного умельца тракториста Мишу Аненьева, профессора Олега Степановича Вялова, бортмеханика Василия Мягкина, радиста Евгения Ветрова, моториста Николая Огурцова, электрика Равеля Залалютинова. Эта большая семья чувствует, что она часть великой семьи нашего народа.

Вихрями врываются в радиорубку потоки радиотелеграмм с приветами, поздравлениями, пожеланиями от незнакомых людей. Никто из «антарктидцев» не знает в лицо киевлян — воспитанников детского дома № 13, но они прислали теплое приветствие и сообщение, что готовят для отважных исследователей подарки, а начальника экспедиции Михаила Михайловича Сомова избрали почетным пионером. Нет возможности перечислить все приветственные телеграммы.

Их много, и в них ощущаешь горячую и сердечную любовь советских людей к тем, кто от имени Родины идет к берегам Антарктиды. С каждым часом становится все больше белых бланков, специально отпечатанных для антарктической радиостанции, на которых голубой краской изображен пингвин, вымпел Главсевморпути, а над словом «радиограмма» черным выведено: «Комплексная антарктическая экспедиция Академии наук». На таких бланках радисты печатают на машинках приветы от донецких шахтеров, металлургов Магнитки, от редакций газет, отдельных лиц. Вначале адреса писались подробные, длинные, теперь адрес ограничен одним словом — «Обь», и телеграфные отделения всей страны знают, что депеша обязательно перелетит моря и океаны, перемахнет через Африку и придет по назначению.

...Вот и настанет праздничный вечер. Не все будут за столом около елочек, среди веселых огней. Одним придется нести вахту в машинном отделении, другим — в рулевой и радиорубках, ученые останутся у приборов, но все, кто свободен от вахт и дежурств, соберутся в кают-компании. И в открытом океане, вдали от Родины, прозвучит задушевный тост за любимую Отчизну, за Коммунистическую партию, за наш великий народ... Зеленые елочки напомнят всем нам покрытые снегом леса, морозные звезды, совсем не похожие на те, что светят сейчас над мачтами флагманского корабля.

Участники антарктической экспедиции горячо поздравляют читателей «Огонька» с Новым годом, благодарят за проявленное внимание, приветы, добрые пожелания и, в свою очередь, шлют всем советским людям свои пожелания счастья и больших успехов в Новом году.

Борт дизельэлектрохода «Обь».

И. И. Черевичный с летным отрядом экспедиции.

Навстречу XX съезду КПСС

ОГНИ ЭЛЕКТРОЛАМПОВОГО

Славный коллектив Московского электролампового завода был удостоен высокой правительственной награды — ордена Ленина — 24 года назад. Он первым в стране выполнил план первой пятилетки за два с половиной года. Все остальные пятилетки, в том числе пятую, завод закончил досрочно.

30 июля 1955 года, почти на полгода ранее срока, была заполнена последняя графа пятилетнего плана. Пять трудовых месяцев, прошедшие следом, пронизаны одним стремлением: добиться новых достижений в каждом цехе и в каждой бригаде в честь XX съезда КПСС. 10 декабря завод закончил государственный план 1955 года и в оставшиеся дни выпустил на десятки миллионов рублей продукции.

По установившейся здесь традиции, право хранить орден Ленина доверяется лучшему цеху. Сейчас такой чести удостоен цех осветительных ламп, инициатор предсъездовского соревнования.

В этом цехе делают осветительные лампы от крошечной, величиной со спичечную головку, способной дать свет лишь шкале авиационного прибора, до огромных прожекторных ламп мощностью в 15 тысяч ватт — всего около четырехсот наименований. Вот некоторые из обязательств цеха: переоборудовать поточную линию для производства автомобильных ламп, наладить массовый выпуск бытовых лампочек с криптоном, заменить дефицитное тугоплавкое стекло обычным.

А вот и первые итоги. С новой поточной линии сошло уже сто тысяч ламп. Пришли первые отзывы от покупателей грибовидных миниатюрных лампочек, наполненных криптоном вместо аргона: горят они ярче, служат дольше, а энергии потребляют меньше. Замена тугоплавкого стекла более дешевым, легкоплавким, принесла 200 тысяч рублей экономии. Кстати, из сэкономленных материалов цех выпустил полтора миллиона лампочек. Только они могли бы дать свет населению большого города.

В цехе осветительных ламп, впрочем, как и в других цехах завода, в дни предсъездовского соревнования родилось много школ передового опыта. Сейчас их на заводе свыше пятидесяти. Занятия в них проходят не за партой и не за чертежным столом, а прямо на потоке, возле машины. Преподаватели — рабочие-новаторы, мастера, инженеры.

Вот и сейчас опытная монтажница Анастасия Волконская показывает молодой работнице Тамаре Липатовой, как быстро смонтировать радиолампу.

Как ни велик и разнообразен список изделий, выпускаемых заводом, он все время обновляется. Инженер Г. Рагулин включил рубильник — и огромный овальной формы матовый баллон начал слабо светиться. Прошла минута, две. И вот баллон, словно маленькое солнце, заключенное в покрытый инеем сосуд, стал источником света ослепительной силы.

Это опытный образец ртутной лампы высокого давления с люминофором. Подобные ему, но только еще более мощные, будут сделаны для металлургического завода в Индии.

Покачиваясь в подвешенных к транспортеру люльках, медленно проплывают с участка на участок, из отделения в отделение стеклянные «зонты». И пока они совершают свое 160-метровое путешествие по всему цеху, «зонты» превращаются в готовые кинескопы — одну из главных деталей телевизора. Раньше изготовляли круглые кинескопы, теперь завод переходит на прямоугольные. Эта конструкция трубок более совершенна: они делаются из контрастного стекла с алюминиевым покрытием и дают более четкое и яркое изображение. Кроме того, они позволят уменьшить общий размер телевизора и удешевить его стоимость.

Изготовление новых кинескопов должно быть полностью механизировано.

Автоматы, поточные линии, полуавтоматы... Вот новое лицо старого электролампового завода. Он выпускает сложнейшую электронную аппаратуру, особо чувствительные приборы, счетчики для измерения радиоактивности, фотоэлементы и многое, многое другое. Особенно показателен облик завода в 1955 году, в канун XX съезда КПСС. Ведь только в этом году здесь сконструировано, изготовлено и смонтировано 237 новых автоматов, машин и сложных приспособлений — элементы большой и малой механизации. В шестую пятилетку коллектив завода вступает полный сил, в расцвете творческих возможностей.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Фото Е. Тиханова.

Инженер Г. Рагулин проверяет опытный образец лампы.

Монтажное отделение цеха радиоламп.

Монтажница А. Волконская (справа) и молодая работница Т. Липатова.

В цехе телевизионных кинескопов. Слева направо: инженер В. Барановский, директор завода Г. Цветков и начальник цеха А. Киселев.

БРАТСКИЙ ПРИВЕТ СОВЕТСКИМ ДРУЗЬЯМ

Жак ДЮКЛО,
секретарь ЦК Французской коммунистической партии.

В преддверии Нового года исполнилось тридцать пять лет со дня основания Французской коммунистической партии. Эту дату, отмечающую большой и славный этап в рабочем движении Франции, мы встретили в самом разгаре борьбы нашей партии за то, чтобы на всеобщих выборах в Национальное собрание народ ясно выразил свою волю — добиться изменения французской политики, сделать ее политикой мира, международного сотрудничества.

В эти дни мы снова мысленно обратились к истокам развития нашей партии. Это было после окончания войны 1914—1918 годов. Тогда Французская социалистическая партия стояла перед решительным выбором: останется ли она в рядах II Интернационала, который погряз в шовинизме, поддерживая «свою» буржуазию в каждой стране, ведущей войну, или она вступит в великое международное объединение коммунистов, созданное Лениным.

...Декабрь 1920 года. На конгрессе социалистической партии в Туре сильное большинство высказалось за присоединение к Коммунистическому Интернационалу. Конгресс принял в основу деятельности партии великое ленинское учение, уже восторжествовавшее на одной шестой земного шара.

С тех пор на протяжении трех с половиной десятилетий наша партия закалялась в боях за хлеб для трудящихся, за демократические свободы, в боях за изгнание гитлеровских захватчиков с французской земли, за национальную независимость и мир.

Наша партия всегда, как и сегодня, в дни предвыборной кампании, заботилась о классовом единстве пролетариата, о сплочении всех демократических и национальных сил. На каждом этапе своей борьбы партия французских коммунистов под руководством ее Центрального Комитета во главе с Морисом Торезом вдохновлялась бессмертным учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Тридцать пять лет беззаветной борьбы оставили глубокий след в истории Франции. Неразрывными узами они связали рабочий класс и его коммунистическую партию со всей французской нацией, которую коммунисты хотят — и они добьются этого с помощью масс — сделать независимой и свободной, могучей и счастливой.

В дни тридцатипятилетия своей партии, в дни наступающего Нового года коммунисты Франции, выражая чувства рабочих и всех трудящихся нашей родины, шлют народам великой Советской страны и славной Коммунистической партии Советского Союза всю свою братскую любовь и глубокую признательность за их нерушимую приверженность делу мира, дружбы между народами, делу коммунизма.

Париж.

Книга жизни

Сюжеты для своих зарисовок я черпаю из жизни Парижа. Мне кажется, что все взятое искусством из действительности неизбежно бывает актуальным. Рисунок становится как бы иллюстрацией к замечательной книге жизни.

Мои зарисовки художника-журналиста за 1955 год многочисленны: каменщик, слушающий речь на рабочем собрании; портниха, которая в конце рабочего дня с трудом вдевает нитку в иглу; дети Парижа, худенькие, болезненные, но полные огня и отваги «гаврош»; девушки с обувной фабрики — застрельщицы забастовки; молодой рабочий, особенно запомнившийся мне на фоне демонстрации где-то в предместье Парижа...

В августе я побывал в Болгарии. Моим гостеприимным хозяином был одно время машинист дорожного катка Христо Калев. Среди моих болгарских зарисовок есть портрет этого человека, представителя народа, обретшего свободу и независимость.

В новом, 1956 году я буду продолжать рассказывать в своих рисунках о жизни, мечтах и борьбе простых людей.

Жан-Пьер ШАБРОЛЬ

Париж.

У чабанов Казахстана

Этим летом я побывал в долине Кора. Она пролегает у подножия Джунгарского Алатау. Заснеженные вершины бросают на нее свои тени. Но заинтересовали меня не эти красоты природы, а люди, чабаны; в долину Кора на лето пригоняют скот многие колхозы Талды-Курганской области. Здесь я создал несколько этюдов маслом. Наиболее интересными мне кажутся «Бабушка Амина» — старая казашка, изображенная с внучкой,— и «Жамал». Жамал — это женщина-чабан. Вдали отара. Девушка сидит у очага, недалеко от юрты. Облик чабана говорит о больших переменах в жизни женщины Казахстана.

Этюды написаны с натуры и помогут мне создать картину о новых людях моей республики.

К. ТЕЛЬЖАНОВ

Алма-Ата.

Мои натурщики

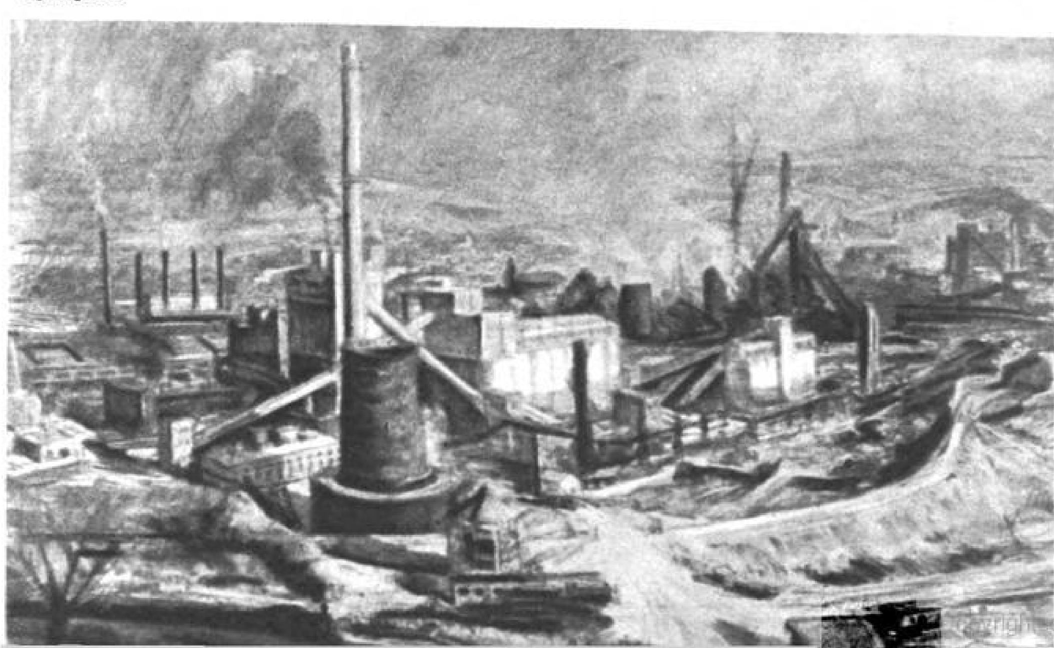
Всего лишь несколько лет назад в этих местах росли деревья. А нынешним летом для моей картины «Строительство румынского металлургического комбината Хунедоара» «позировали» коксовая батарея, агломерационная фабрика, домна номер шесть и строящаяся пятая. Куда-то назад отошел, уступив место новому пришельцу, старинный замок.

Сейчас зима, и я на время расстался с моими «натурщиками». Но летом будущего года я снова водружу мой мольберт возле них. А затем меня ожидают новые сталелитейные заводы, «обещанные» до некоторой степени в моей картине в левом краю пейзажа.

Почему я люблю эту тему? Мне хочется показать как бы отлитый из бетона и металла дух творческого дерзания человека.

Октавиан АНГЕЛУЦЭ

Бухарест.

НАРОДНЫЙ ПРЕЗИДЕНТ

Вильгельму Пику, Президенту Германской Демократической Республики, 3 января исполняется 80 лет. Немецкий народ и свободолюбивые люди всех стран мира сердечно приветствуют его в этот знаменательный день.

Вильгельм Пик в гостях у корейских пионеров в Морицбурге (Саксония).

В доме для престарелых в Вельтене. Рабочие приветствуют своего Президента.

Вильгельм Пик воплощает в себе лучшие боевые традиции немецкого рабочего движения. Уже в молодые годы он стал активным деятелем немецкой социал-демократии, партии Августа Бебеля. С самого начала он примкнул к левому крылу партии и был ближайшим боевым соратником Карла Либкнехта, Розы Люксембург и Франца Меринга. Вместе с ними он боролся неуклонно и непримиримо против оппортунистов, против мировой империалистической войны.

Вильгельм Пик по праву считается одним из основателей Коммунистической партии Германии. Рядом с Эрнстом Тельманом он работал над тем, чтобы сделать ее революционной, массовой партией, вооруженной идеями марксизма-ленинизма. Когда Эрнст Тельман был брошен в тюрьму гитлеровскими фашистами, Вильгельм Пик продолжал его дело.

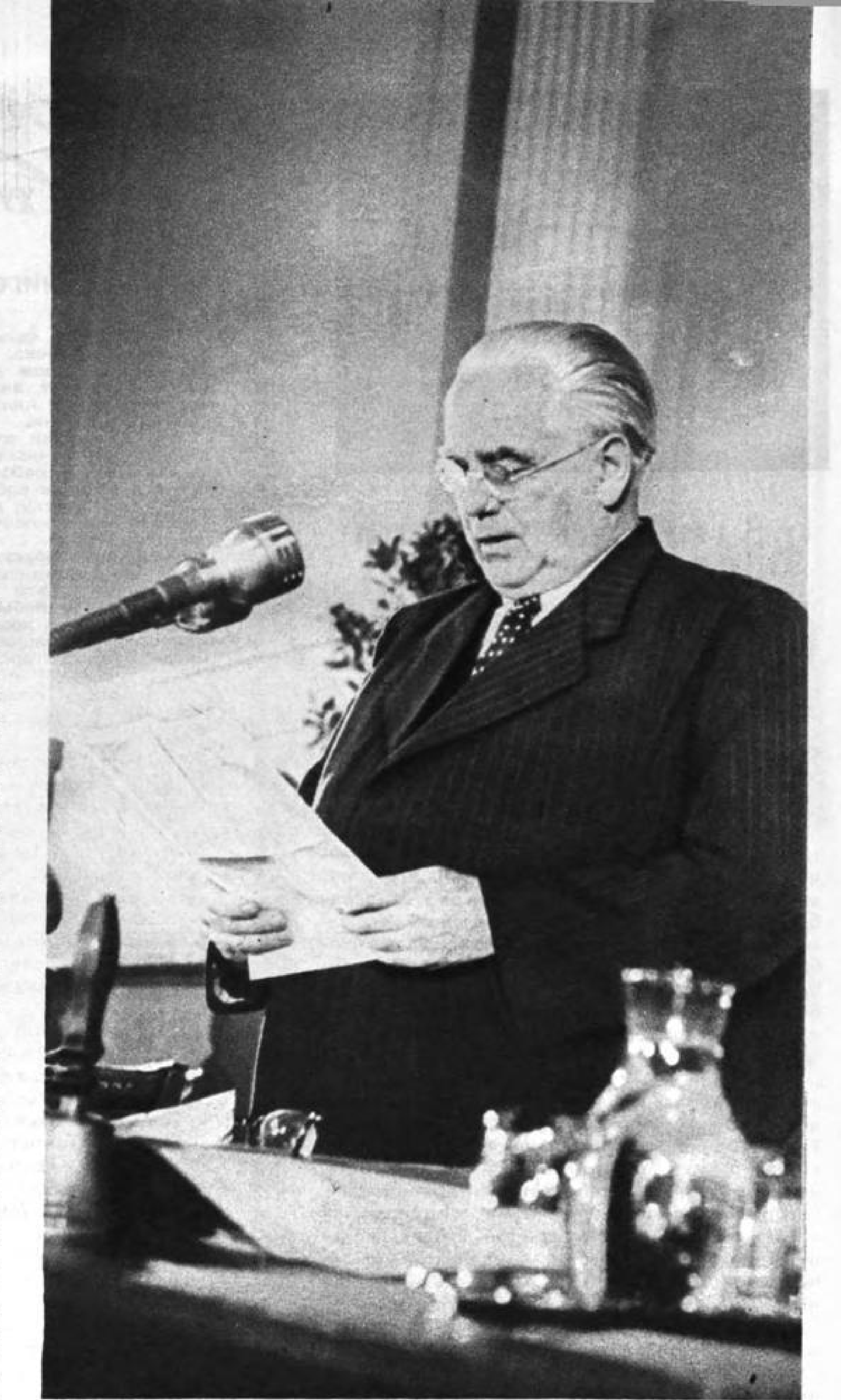
Более шестидесяти лет Вильгельм Пик стоит во главе рабочего движения своей страны, отдает все силы борьбе с империализмом и империалистическими войнами. Это принесло ему всеобщее признание и уважение немецких рабочих. За это любят и уважают его народы Советского Союза. Они видят в Вильгельме Пике одного из признанных вождей лагеря мира и демократии, верного друга Советской страны.

Сегодня Вильгельм Пик стоит во главе миролюбивой Германской Демократической Республики. Вооруженный опытом долгой боевой жизни, он трудится на благо счастливого будущего немецкого народа, во имя прочного мира в Европе. Влияние Вильгельма Пика сказывается во всех областях общественной жизни Германской Демократической Республики. Принимая повседневно представителей различных слоев населения, посещая заводы, стройки, больницы, школы, дома для престарелых, научные институты, он лично знакомится с жизнью народа, с тем, как осуществляются предначертания партии и правительства, заботится об устранении возникающих трудностей. Он использует каждую возможность для личной связи с людьми разных профессий, званий, разного общественного положения. И особенно щедро отдает Вильгельм Пик свою человеческую теплоту и любовь молодежи, этой надежде германского народа.

Антимилитарист и борец за мир, Вильгельм Пик, как глава Германской Демократической Республики, верой и правдой служит взаимопониманию между народами. Народы и правительства демократических стран питают к нему полное доверие, ибо он всегда был и остается борцом против германского империализма и его детища — воинствующего милитаризма. Он всегда был и остается олицетворением воли немецкого народа — объединить свою родину в единое, миролюбивое, демократическое государство. Германская Демократическая Республика, выдающимся представителем которой является Вильгельм Пик, покончила с мрачным прошлым и прочно связала себя с лагерем мира, демократии и социализма.

Вильгельма Пика соединяют с Советским Союзом и Коммунистической партией Советского Союза узы старой и неразрывной дружбы. Еще в 1906 году он организовал массовые собрания в Бремене, на которых рабочие заявили о своей солидарности с первой русской революцией. Это был прямой путь последовательной борьбы, приведший Вильгельма Пика к руководству первым немецким рабоче-крестьянским государством. На этом пути никогда не порывалось его братское сотрудничество с великой страной победившего социализма.

Отто ВИНЦЕР,
статс-секретарь, начальник канцелярии Президента ГДР.

Вильгельм Пик приносит присягу в день своего избрания Президентом Германской Демократической Республики.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА

Рассказ

И. ДВОРЕЦКИЙ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Мария Сергеевна пригласила меня в школу на выпускной вечер. Около восьми мы отправились в парикмахерскую: ей хотелось сделать маникюр.

— Может быть, мне все же не пойти? — спросил я, когда мы сошли с автобуса.

— Ты спрашиваешь об этом третий раз,— ответила Мария Сергеевна,— как хочешь...

Она быстро пошла вперед, я ее догнал, говоря:

— Прости, пожалуйста, я все время беспокоюсь, что буду лишним. Соберутся преподаватели, все свои, я же среди них совершенно чужой.

— Будет много приглашенных. Из райкома, из районо, родители... Но в общем, как хочешь...

Я не мог понять, сердится она или нет. Знать бы наверное, что не сердится, я бы не пошел. Утром мне казалось, что она приглашает меня потому, что боится обидеть. «В таком случае,— думал я,— я не обижусь, но и не пойду». Но, возможно, ей сильно хотелось, чтобы я был с ней рядом в этот вечер. При этой мысли в моей душе пробуждалась огромная нежность, и я думал: «Если действительно так, то пойду обязательно и все все время буду возле нее».

Но Мария Сергеевна мне ничего не объяснила. Мы быстро шли по улице, она часто смотрела на часы.

— Давай сделаем так,— предложил я,— я приду за тобой часам к двенадцати, немного побуду, и мы вместе уйдем.

— Вечер закончится в пять утра,— ответила Мария Сергеевна.

— Почему это в пять?

— Как тебе не стыдно,— сказала она,— разве ты не знаешь, что существует традиция? Московские выпускники сразу после вечера, утром, идут на Красную площадь, а мы пойдем к памятнику Ленина. Такая традиция.

— Но почему же и ты должна непременно до пяти?

Мария Сергеевна помолчала, потом ответила:

— Как хочешь, я не могу уйти, я вела эти классы с седьмого по десятый, я не могу их бросить сегодня.

Мне стало ее очень жаль. «Ну, ничего,— подумал я,— завтра у нее начинается отпуск, отдохнет два месяца». Зимой ей было трудно. Каждый вечер, приходя из школы, она по три — четыре часа готовилась к завтрашним урокам. Примерно раз в месяц она приносила домой полную авоську тетрадей. Около ста штук. И после этого неделю не читала газет, складывала их на своем столе. Спала не более пяти часов в сутки. В свой свободный день (кроме воскресенья, у нее был еще один свободный день) она с утра убегала в школу: или ее класс принимал дежурство, или надо было помочь девочкам выпустить стенную газету, или еще что-то... Я помалкивал, но все время думал, что у нее слишком много разных нагрузок: литературный кружок, политучеба, методическое объединение, педсовет, родительские собрания, классное руководство,— нет, я никогда не мог упомнить всего, чем ей приходится заниматься!

Мы уже подходили к парикмахерской, показалась вывеска. Мария Сергеевна засмеялась.

— Смотри,— сказала она,—наш физик Алексей Петрович.

На другой стороне улицы я увидел маленького толстенького человека в летних брюках. Он мчался, что называется, на всех парусах. В одной руке он держал соломенную шляпу и отчаянно размахивал ею; другая рука сжимала клетчатый платок, им он беспрестанно вытирал потную розовую лысину.

— Я, наверное, опоздаю,— сказала Мария Сергеевна.

— Ничего, немножечко опоздаешь.

— Мне нельзя опаздывать,— вздохнула она,— я должна сказать на вечере несколько слов... Я еще не знаю, что сказать.

— Почему же ты не подготовилась? — тревожно спросил я. Мне совсем не хотелось, чтобы она выступила кое-как.

— А когда? — спросила она.— До обеда была в школе, потом провозилась с юбкой и кофточкой, еле успела пришить воротничок.

— Странно. Могла бы надеть что-нибудь другое.

— Нет,— с тихой настойчивостью сказала Мария Сергеевна,— я хотела быть во всем белом, как мои девчонки.

Я промолчал. Мы вошли в парикмахерскую. К маникюршам была очередь человек шесть, а в зал для бритья еще больше.

— Что будем делать? — спросил я.

Мария Сергеевна заглянула в комнату, где делают маникюр. Мне хотелось сказать женщинам: «Товарищи, пропустите ее вне очереди. Она сегодня впервые выпускает десятый класс, ей нельзя опоздать».

Мария Сергеевна подошла ко мне.

— Не знаю, что делать,— сказала она, похрустывая пальцами.

— Как же все-таки ты будешь выступать? — спросил я шепотом.— Если ты пришивала воротничок, то думать одновременно ты могла?

— Я думала.

— Ну?

— Я им пожелаю счастья, скажу о будущем. Надо еще раз глубоко взвесить, прежде чем выбрать профессию.

— Да,— сказал я,— это правильно, но немного общо. Они от тебя ждут мыслей. Ты же педагог. Знаешь, я сейчас думал. Ты им скажи о времени.

— Что?

— Скажи, что надо научиться беречь время и всегда помнить об этом. Это я знаю по себе, время ужасно быстротечно. У них сейчас в душе всего много, целый пожар, и впереди много, они будут бросаться временем, у них сейчас очень щедрая душа. Это очень хорошо и опасно. А время пролетит, оглянутся — ничего...

— Да, да,— сказала Мария Сергеевна,— хорошая мысль, я об этом думала... Знаешь что, я, пожалуй, пойду. Мне уже нельзя ждать. Посмотри, у меня, по-моему, хорошие ногти? А ты брейся...

— У тебя очень красивые ногти,— ответил я.

Мария Сергеевна пошла. Я посмотрел на нее сбоку. В белой чесучовой юбке и в кофточке, в накрахмаленном воротничке вокруг хрупкой шеи она была трогательно серьезна.

Когда мастер намыливал мне щеки, я думал о том, что должен помочь ей уйти из школы. После того как она окончила университет и приняла три седьмых класса, она слишком часто плакала. В одном классе попалась «трудная» девочка и изводила ее. Впрочем, я знал характер Марии Сергеевны... Она как-то три дня не допускала девочку на уроки.

Родители пожаловались в облоно, была назначена комиссия. Я возмущался, говорил, что это — безобразие, когда создаются комиссии для выяснения виновных, где с одной стороны педагог, а с другой — какая-то капризная девчонка. Но оттого, что я возмущался, легче никому не было. Комиссия рекомендовала перевести девочку в другую школу.

В этот день Мария Сергеевна пришла домой с головной болью. Я сказал ей:

— Теперь нечего волноваться.

— Я оставила девочку,— ответила она,— на перевод не согласилась.

— Почему?

— Она все же умница... посмотрим. Уйди, пожалуйста, я хочу полежать.

Когда же через час, постучавшись, я вошел к ней, она лежала, но не спала, смотрела в стену. О чем она думала, я не знаю.

Затем она вела восьмые, потом девятые классы. Снова попадались «трудные» девочки. Оказалось, что это неизбежно.

По-моему, Мария Сергеевна слишком много работала. Ведь, кроме школы, у нее было немало домашних дел. К своим обязанностям хозяйки дома она относилась ревниво: да, для нее являлось предметом гордости то, что не я, а она «ведет» наш дом.

— Пустяки,— говорила она о домашних делах,— но я чувствую, что слаба в методике, и это беда.

— Ерунда! — упрямо твердил я.— Готовься и рассказывай! Вот я бы пошел и стал бы их учить.

— Ты ничего не понимаешь,— ответила Мария Сергеевна,— так только кажется... Да у тебя терпения не хватит. Знание методики — это все. У нас есть старая математичка — как она ведет уроки! Это артистка!

Очевидно, Мария Сергеевна училась у этой математички и на практике приобретала методический опыт, хотя я так до конца и не понял, что же это такое — методика преподавания.

После восьмых классов она стала очень часто говорить:

— Я тупею, понимаешь? Тетради, тетради... Скажи мне, когда же читать? А театр, а кино? Помоги мне уйти из школы.

— Ну, хорошо,— отвечал я с тревогой,— куда же ты пойдешь? Твой труд благороден, ты учитель.

Я повторял чужие слова о благородстве, сам же думал: «Куда ее устроить?»

— Если ты хочешь знать, я лучше пойду в любую контору,— говорила Мария Сергеевна,— отработаю положенные восемь часов, но затем я свободна. Ты должен понять, что все равно я уйду.

Но недавно мне показалось, что она сама создает себе трудности. Я иногда приносил ей книги из библиотеки. Как-то она попросила:

— Достань мне воспоминания Кассиля о Маяковском. Скоро я начинаю Маяковского.

— Зачем тебе Кассиль?— рассердился я.— У тебя есть учебник, собрание сочинений, книги о Маяковском... Мало?

— Что ты говоришь! У Кассиля, помнится, очень живо... Ну как ты не понимаешь! Мне прежде всего самой надо много знать.

— Ты привлекаешь уйму дополнительного материала. Зачем? Ты напичкиваешь своих девчонок, словно они учатся уже в институте. Вот так ты себя изводишь!

Мария Сергеевна чуть улыбнулась и сказала привычное:

— Пустяки...

Потом она сказала задумчиво:

— Но как в следующем году, не знаю... Теперь во всех классах парни и девочки будут вместе. Ты не представляешь, что такое мальчишки, от них нет жизни.

Вдруг я увидел в ее глазах, казалось мне, уже забытую просьбу. Но она ни о чем не просила. Ведь я так для нее ничего и не сделал, а мог бы. И то, что она отчаялась просить, как ножом резануло меня по сердцу. Значит, ей попрежнему было трудно.

Сидя в парикмахерском кресле, я глубоко вздохнул и увидел, что мастер недоуменно стоит возле меня, а я уже давно побрит.

Расплатившись, я пошел в школу, повторяя: «Надо что-то делать».

Я, разумеется, опоздал. В распахнутых дверях актового зала толпились другие опоздавшие. Поднимаясь на носки, я смотрел поверх их голов, ища глазами Марию Сергеевну и думая: «Узнает ли она, что я опоздал?»

Вдоль стен сидели приглашенные на вечер мальчишки, родители и даже родственники родителей, а посредине зала на стульях в три шеренги — выпускницы. Вероятно, ни на одном уроке они не сидели так чинно и внимательно. Все они были в белых платьях. И кажется, с этой минуты мои глаза и начало слепить белым цветом.

На красной скатерти президиума стояли живые цветы в горшках. Седая директриса вызывала десятиклассниц. Те подходили, принимали аттестат зрелости, пожимали ей руку. Тотчас оркестр оглушительно играл туш. Все аплодировали. Меня сдавили в дверях. Высокая женщина в пенсне, в костюме мужского покроя наступила мне на ногу и извинилась, сказав: «Ой, как интересно!» Я тоже почувствовал легкое волнение.

Когда к трибуне направился заведующий районо и сидящие рядом поднимались, уступая ему дорогу, из-за крайнего цветка неожиданно поднялась Мария Сергеевна. Я обрадовался. «Ага, она сидит в президиуме,— подумал я,— значит, коллектив ее уважает». Я еще не знал, что там сидели все учителя.

Заведующий районо говорил длинно. Я спустился на первый этаж покурить.

— Вы кто же будете? — подозрительно спросила внизу дежурная по гардеробу.

— Меня пригласила Мария Сергеевна.

Сказав так, я не сдержал улыбки. Да, я звал ее Машей, Муськой, а по имени и отчеству — никогда. Отчего мне так нравится теперь произносить ее полное имя?

В ответ дежурная заулыбалась, и мне показалось, что она сразу стала относиться ко мне лучше. Она сказала заговорщицки:

— Мария-то Сергеевна с утра изнервничалась...

Больше нам говорить было не о чем.

Наверх я поднялся во-время. Объявили, что слово имеет классный руководитель Мария Сергеевна.

По-моему, выпускницы аплодировали ей горячо. Это мне понравилось. И сразу же я поймал себя на том, что неизвестно для чего стараюсь подсчитывать все «за» и «против» Марии Сергеевны. Она не пошла на трибуну, остановилась у края стола (очевидно, сообразила, что трибуна ей не по росту). Возле громоздкого стола, уставленного цветочными горшками, она вдруг показалась мне одинокой и очень худенькой. Захотелось сейчас же стать с ней рядом и хоть чем-нибудь поддержать ее. Я видел, ее пальцы, ища опоры, коснулись красной скатерти, она сказала: «Девочки...», — и голос ее на секунду затерялся в огромном зале.

1955 год останется в сознании всех людей как год, когда родился «Дух Женевы». Для простых людей всего мира новый, 1956 год рождается озаренным светлыми надеждами на мир и братство народов.

Жан ЭФФЕЛЬ

Париж.

Виноградари

Летом 1955 года я жил и работал в Молдавии, в небольшом селе Грушка, Каменского района, среди садов и виноградников на берегу Днестра. Жители села — члены богатого колхоза имени Фрунзе—ежегодно выращивают богатый урожай винограда и табака. В минувшем году они были среди тех, кто первым закончил уборку обильного урожая.

Я работал в основном над портретом, а больше всего привлекала меня сельская молодежь. Офорт, печатаемый здесь, изображает сцену, много раз мной виденную: солнечное утро, тихий, задушевный разговор девушек-подруг перед работой. Мне удалось зарисовать лучших колхозниц молодежной бригады виноградарей: Зою Дмитриевну Татаровскую, звеньевую (это та, что слушает свою подружку), и Лидию Федоровну Унтуру, ее напарницу. Обе комсомолки, передовые люди колхоза.

М. ФЕЙГИН

Тотчас мои мысли замелькали в таком порядке: «Не слышно... Так, слышно... Очень просто говорит, даже слишком, тут надо бы с блеском... Ой, что же она сказала? Все пропустил! Правильно, умно... Молчит... Забыла... Конечно, забыла!.. Ну, ясно, вспомнила наконец! Аплодируют!..»

И я облегченно вздохнул. Женщина в пенсне, стиснутая со всех сторон, подняв руки, неистово шлепала в ладоши и говорила:

— Вы ее знаете? Похожа на девочку, правда? А требовательна... В классе совершенно не терпит шума. Все же ее любят. Моя дочь у нее учится, — теперь уже надо сказать: училась... Вон она сидит, третья от краю, второй ряд. (Мы вместе приподнялись на носки.) Я очень тревожилась за русский. Мария Сергеевна уделила ей много внимания.

Оркестр играл гимн. Девчонки дарили учителям цветы. Марии Сергеевне совали в руки ершистый и сверкающий букет сирени.

Затем из зала в коридор двинулись белоснежные пары; они словно плыли в ярком электрическом свете. С сияющими лицами вышагивали у стен отцы и матери.

Проход более или менее освободился. В зале растаскивали стулья. Мария Сергеевна пробиралась в мою сторону слишком долго. Ее останавливали незнакомые мне люди и что-то весело говорили. Она смеялась в ответ, такая же беленькая и возбужденная, как ее выпускницы. Я ждал. Ее снова остановили. Тут я смущенно заметил, что почти танцую, стоя в коридоре, — то делаю шаг вперед, то назад. Когда ее останавливают, шагаю к дверям и ревниво наблюдаю; когда же она идет ко мне, незаметно пячусь и застываю у стены как ни в чем не бывало.

Мимо меня проскочил физик Алексей Петрович. Он все так же вытирал платком розовую лысину и спешил, издавая шум, как маленький паровичок. Громко распахнув двери соседнего класса, он через минуту, пыхтя от натуги, потащил в зал радиолу. Затем на протяжении вечера он все время бегал в свой физический кабинет, неся пластинки, обрывки каких-то проводов, плоскогубцы, и один раз с его помощью во всей школе погас свет. Он весь лоснился, глаза же были неправдоподобно сосредоточенны и деловиты. Потом я понял, что он волнуется.

Мария Сергеевна не шла. Теперь около нее стояли седой мужчина с молодым строгим лицом и выпускница, тонкая, затянутая в белый крепдешин; розовые щеки ее пылали. Мария Сергеевна смущенно кивала. Седой человек бережно и почтительно пожал ей руку.

Когда она подходила ко мне, я думал: «Зачем же я здесь? Ей весело, она в своем коллективе и прекрасно может обходиться без меня...»

— Ты опоздал? — быстро спросила она.

— Нет, что ты! — поспешно заверил я.— Нисколько. Слушай, как было: вы едва расселись, и я подошел, ни слова не пропустил.

— Тебе скучно? Хочешь, я тебя познакомлю вот с тем человеком? — Она показала на седого мужчину.— Отец моей ученицы, конструктор, интересный человек. Мы с ним давно знакомы.

Я не успел ответить. Подошла исчезнувшая было женщина в пенсне.

— Мария Сергеевна,— тихо сказала она,— родная, позвольте пожать вам руку и поблагодарить за все, за все!

Я сделал несколько шагов в сторону, чтобы не мешать. Вокруг от разговоров стояло легкое жужжание. В зале начались танцы. По коридору шла директриса.

— Как вам у нас нравится? — строго спросила она.

Я невольно подтянулся, отвечая:

— Спасибо, да, очень...

— Он скучает,— сказала, подойдя, Мария Сергеевна.

— Вот как? — удивилась директриса. — Танцуйте, потом будем ужинать.

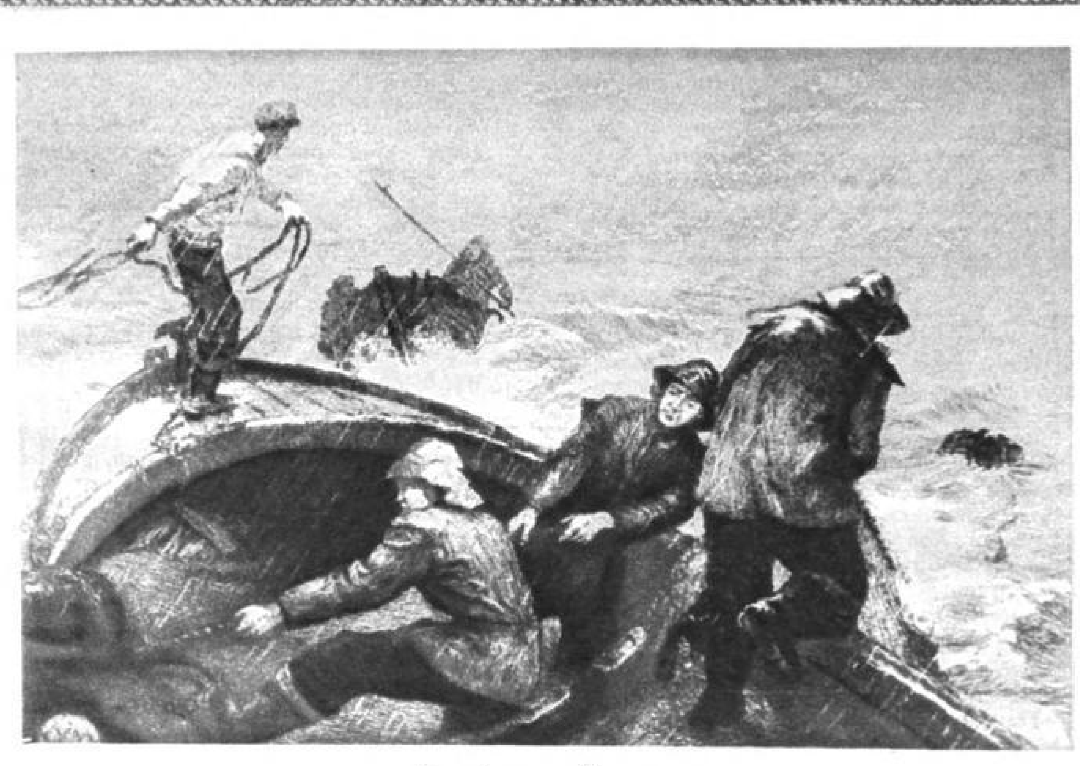
— Ему можно у нас танцевать? — лукаво

Из моих рисунков 1955 года я посылаю вам этот. Пусть в Новом году «солнце Женевы» растопит снежное чучело «холодной войны».

Херлоф БИСТРУП

Копенгаген.

Рыбаки Кихну

Итак, сданы государственные экзамены в институте, впереди дипломная работа о жизни и труде жителей побережья.

И вот я в Пярну. Хожу по берегу, целые дни сижу на рыбачьих причалах. Сюда часто приходят суда рыбаков с маленького острова Кихну. С ними и еду на Кихну.

Начало осени здесь оказалось очень ветреным, море штормило и штормило. Но для рыбаков шторм привычнее и желаннее, чем штиль: в бурные дни рыбы бывает больше.

Удалось зарисовать и выход в открытое море, и оплетенные бечевой бочки, и сети, полные крупной рыбы, и самих рыбаков в зюйдвестках с непременной трубкой во рту...

Этюды и зарисовки все росли. Так родилась моя серия картин, запечатлевших труд рыбаков в Эстонии: «Утро в море», «Сети забрасываются», «Рыбаки тянут сети», «Возвращение», «Мытье рыбы», «Погрузка»...

Виве ТОЛЛИ

Таллин.

прищурившись, спросила Мария Сергеевна.

— Конечно! Всем можно: родителям и мальчикам.

Мария Сергеевна улыбнулась и опустила голову. Директриса двинулась по коридору, властно оглядываясь.

Мы прошли в зал.

— Ты в самом деле хочешь танцевать? — спросил я.

— Не знаю, — сказала Мария Сергеевна, окидывая взглядом пары, закружившиеся в вальсе,— я при них еще ни разу не танцевала... Мне кажется, если я начну, они все остановятся и скажут: «Фи, как старомодно!..» Они все видят и знают. Особенно девочки. Нам приходится об этом постоянно помнить. Если ты сам сейчас не хочешь, потанцуем позже, ладно?

Я пожал плечами, подумав: «Значит, я должен следить здесь за каждым своим движением...»

— Ты, конечно, жалеешь, что пришел,— виновато сказала Мария Сергеевна и сразу решительно добавила: — Нет, так нельзя! Я тебя познакомлю с кем-нибудь из родителей.

Я не успел возразить, как она уже подвела меня к толстяку с подстриженными щеточкой усами. Он был в свободном пиджаке, из-под которого выглядывал жилет. Рядом с ним сидела жена, довольно тучная дама. Мы обменялись рукопожатиями. Там был свободный стул, я сел. Мария Сергеевна тотчас исчезла. «Что бы такое сказать?» — соображал я. Но толстяк, оказавшийся директором филармонии, выручил меня.

— Ужасный оркестр,— сказал он.

— Какой-то разнокалиберный,— сказала его жена.

— Да,— сказал я,— вы слышали, как баритон октавой выше хватил?

Я стал смотреть на танцующих девочек. Парни, приглашенные ими, безусые и наутюженные так, что пиджаки на них торчали, немножечко важничали и держались пока в отдалении. Ослепительно белые платья словно сливались в одно, и сливались лица, похожие своей свежестью, мечтательностью, блеском возбужденных глаз.

Пренебрегая правилами, кружились они, обнявшись, и любовно подолгу глядели друг другу в глаза. Вдруг я сообразил: «Они же прощаются, последний день в школе. Конечно, прощаются! Завтра жизнь раскидает их в разные концы. Да, что ее ждет каждую из них завтра?»

Я почувствовал непреодолимое желание с кем-нибудь об этом поговорить. Но Мария Сергеевна еще минуту назад вышла из зала, окруженная выпускницами. (Этого было достаточно, чтобы мне снова заскучать.) Я обернулся к соседу, вид у него был сонный.

— Какой, однако, ужасный оркестр,— сказал он.

— На одном барабане выезжают,— сказала его жена.

— Да,— сказал я и замолчал.

К счастью, объявили, что пора ужинать.

Я нашел Марию Сергеевну в коридоре; она говорила с некрасивой, бледной девушкой. С плеча девушки на грудь падала большая коса, она теребила ее. Обе были задумчивы. Мария Сергеевна рассеянно взглянула на меня, и я вновь почувствовал себя лишним.

— Познакомься, — задумчиво сказала она,— Тоня Холодова из моего класса, она медалистка. Вот хочет уехать в Москву, в очень трудный вуз, там огромный конкурс...

Я понял, что эта Тоня Холодова ей сейчас ближе, чем я.

Когда мы остались вдвоем, я сказал:

— Я, пожалуй, не пойду ужинать.

— Почему?

— Да так... Я вообще здесь, как белая ворона.

Мария Сергеевна мученически посмотрела на меня.

— Ты даже не знаешь, как хорошо сделал, что пришел.

Я подумал: «Да, но ты ни слова не говоришь о том, что тебе это приятно, что ты хоть немножечко рада. Ты никогда мне ничего такого не говоришь», — и пробормотал что-то насчет неловкости.

— Все очень удобно, сейчас же идем!

На ходу я все же спросил:

— А другие преподаватели кого-нибудь пригласили?

Ведя меня за руку к преподавательскому столу, Мария Сергеевна объяснила, что многие уже разъехались, а кого пригласили оставшиеся, она не знает.

— Физик ваш,— шептал я, садясь на стул рядом с директрисой,— он же один пришел?

— Алексей Петрович одинок,— терпеливо ответила Мария Сергеевна,— в прошлом году у него умерла жена. Для него все в школе.

Сразу она оставила меня, пошла рассаживать девочек и их гостей, мальчишек, словно они были малолетними. Вокруг суетились с тарелками в руках женщины из родительского комитета. Кто-то придвинул ко мне блюдо с салатом. Быстро подошла Мария Сергеевна, в глазах ее искрились веселые огоньки.

— Пойдем! — сказала она.

— Куда?

— К моим девочкам, они оставили нам два места.

— Ни к каким я девочкам не пойду! — сердясь, сказал я.

Я видел, девочки за крайним столом призывающе махали нам руками. Начинался какой-то беспорядок.

— Тогда я пойду одна,— решительно сказала она.

Я ответил одними губами:

— Если ты меня оставишь, я сейчас же уйду.

Она секунду постояла, вздохнула и села рядом.

Настроение мое было испорчено уже потому, что я испортил настроение ей. Я думал, она сердится, и молчал, глядя в салат. Она вдруг сказала мягко:

— Что ты будешь есть? Положить тебе рыбы?

Я посмотрел в ее печальные глаза и назвал себя эгоистом.

— Тебе очень хотелось быть с ними?

— Да.

Я думал: «Вот что значит привычка. Они ей доставляли миллион неприятностей, она же не может без них и, наверное, переживает, глупая, из-за того, что завтра они навсегда уйдут из школы».

Не поднимая головы от стола, я поел рыбы, запил стаканом какой-то минеральной воды и стал ждать, когда можно будет подняться. Потом я все же сказал Марии Сергеевне, что пойду покурить.

Я вышел. В коридоре никого не было. От матовых бра сочился мягкий свет и блестели натертые полы. Двери физического кабинета были приоткрыты. Я заглянул туда. Алексей Петрович, стоя у водопроводной раковины, жадно курил. Затянувшись в последний раз, он пустил воду из крана, загасил окурок и бросил его в корзинку для бумаг.

Он вышел в коридор и стал нетерпеливо оглядываться, казалось, все еще искал себе какого-нибудь дела и вот-вот готов был куда-то ринуться, размахивая руками, а дела не было.

— Вы ужинали? — спросил я.

— Да, я уже был там... Был, был. Так-то вот... Скоро и вечер кончится.

— Не скоро,— возразил я, поглядев на часы.— Четверть второго.

— Так-то, так-то, — повторил он, не слушая.— У меня, дружочек, одиннадцатый выпуск в этой школе, только в этой.

— Что ж, дело привычное?

Его, повидимому, обидела или поразила форма вопроса.

— Видите ли,— сказал он, глядя себе под ноги, — к этому как-то не привыкаешь. А вы спросите-ка Марию Сергеевну. Хотя, что же, у нее это у самой в первый раз... Тоже, так сказать, выпускница. Да. Ей было трудно. Да. Теперь станет легче... Надо поздравить.— Вдруг, в упор поглядев на меня, он озабоченно спросил: — А вы поздравили?

Глаза у него были доверчивые, какие-то очень ясные, цвета чистой синевы.

Я не ответил. В ту же минуту показались белые платья. С визгом по коридору понеслись девочки. Увидев нас, они остепенились и, должно быть, вспомнив, что они уже настоящие девушки, торжественно прошли мимо. А впрочем, в глазах у каждой были и лукавство и насмешливость.

Да, я очень пожалел, что не поздравил Марию Сергеевну тогда, когда это делали все,— мне казалось, что сейчас поздно.

Заиграла радиола. Я сел в тихий уголок зала, решив не искать больше Марию Сергеевну, сидеть в одиночестве.

В распахнутые окна были видны высокое небо и крупные звезды. Мне все казалось, что сильное и чистое мерцание их находится на каком-то последнем пределе, что сейчас они вспыхнут и белое пламя разольется по темному бархату ночи, сразу станет светло. Можно будет выйти на улицу. Вдруг я почувствовал, что глаза мои слипаются, и испуганно поглядел на циферблат. Шел третий час.

Тотчас я подумал о Марии Сергеевне: «Где же она?» Вокруг продолжали танцевать, ходить, разговаривать. Чтобы не дремать, я сам с собой затеял игру. Подолгу наблюдая за какой-нибудь одной девочкой, пытался угадать характер, склонности, будущее. Теперь я увидел, что все они разные. У одной лицо волевое, взгляд умный, глубокий. Другая — я назвал ее «монахиней» — потихоньку наблюдала за остальными, помалкивая, улыбаясь сдержанно, не до конца; и я подумал, что от такой всего можно ожидать. Третья же, женственная, с мягкими, спокойными движениями, казалась общей любимицей, и почему-то пришло в голову, что она будет врачом.

Потом я стал серьезно тревожиться: где же она все-таки? И постепенно меня охватила обида. «Да,— думал я,— ей хорошо и без меня, и с этим, видно, ничего не поделаешь...»

Я поднялся и подошел к окну. Небо уже не было темным, слабая молочная синева разлилась по нему. Звезды гасли.

Мария Сергеевна дотронулась до моего плеча.

— Скоро заря,— сказала она.

— Да,— холодно ответил я.

— Ты не слышал, как мы сейчас пели на первом этаже?

— Нет...

— Скучаешь и ругаешь меня?

— Нет, нет,— сказал я, решив быть мужественным, не портить ей вечера, — мне неплохо.— Мария Сергеевна сделала вид, что верит.— Только, пожалуйста, не знакомь меня ни с кем.

— Тебе не понравились те люди?

— Отчего же... Родители как родители. Видишь ли... мне трудно поддерживать разговор об оркестре.

— Они не родители,— тихо проговорила Мария Сергеевна.

— Кто же?

— Дядя и тетя моей выпускницы Лизы.

— А родители?

— Живут в Ленинграде. Лизу во время блокады вывезли сюда. Когда окончилась война, она почему-то сразу не уехала, потом родители ее развелись, и она сама отказалась поехать... Дядя и тетя ее воспитывали. Посмотри, видишь, две высокие танцуют? Вот та, что с белым бантом, Лиза.

— Поверь,— неожиданно взволновавшись, сказал я,— я их давно заметил, они обе красивы, отлично держатся, знаешь, даже как-то по-женски величественно... Откуда у них это?

— Да, ты прав,— улыбнулась Мария Сергеевна,— я сама поражаюсь. Ведь вот как бывает. Видела их каждый день, все в коричневых платьях, в передничках. Такими девчушками они мне казались... А сейчас высокие каблуки, осанка... и какие красавицы! Это так приятно, словно они мне самые близкие родные.

— Удивительно,— сказал я,— значит, тот толстяк и его жена, они очень хорошие люди?

— Конечно. Настоящие люди. Я только что с ними внизу распрощалась. До пяти утра им не выдержать: пожилые.

— Честное слово,— сказал я,— я бы подошел и извинился, я о них плохо думал.

— Ты вообще плохо разбираешься в людях и вообще не умеешь ценить...

— Да? Ты уверена? — обрадовался я.— Не умею?

— Пойдем танцевать вальс,— тихо позвала Мария Сергеевна.

Что ж, она никогда не терпела объяснений. Когда, покружившись, мы сели, мне захоте-

лось спросить, где она так долго после ужина была. Она сама сказала:

— Сидели в учительской, говорили.

Больше она ничего не добавила, но по ее затуманившемуся взгляду я понял: сидели, молчали, вспоминали происшествия года...

— Ты знаешь,— неуверенно сказала она,— мне предлагают осенью снова принять десятые классы. Полагалось бы пятые, но одна учительница, старенькая, уходит на пенсию, ее некому заменить.

Я положил свою руку на руку Марии Сергеевны. Она сейчас же сказала:

— Убери руку. Понял? Не забывай, что ты в школе.

Я руку убрал. На радиоле поставили новую пластинку. Это был ее любимый полонез.

— Я бы хотел,— сказал я,— чтобы свои педагогические навыки ты не распространяла на наши отношения.

Она рассмеялась и вдруг воскликнула:

— Что за безобразие!

Она поднялась и быстро пошла в угол, к радиоле. Оказывается, мальчишки самовольно сняли полонез и ставили что-то более танцевальное.

Стуча каблучками, Мария Сергеевна шла через весь зал, невысокая, очень решительная, и было в ее походке сейчас что-то от директрисы — властное.

...На улице быстро светало, ночь кончалась.

Потекли нежные звуки отвоеванного полонеза. Мария Сергеевна ходила возле девочек, останавливаясь то с одной, то с другой. Я наблюдал за нею. Все в ней дышало ровным спокойствием. Затем ее взяла под руку высокая девушка, причесанная по-мальчишески. Движения ее были угловаты и резки. И под руку-то она взяла по-мужски, крепко. На лице же вдруг расплылось великое смущение, и я понял, что никогда раньше она под руку Марию Сергеевну не брала.

— Ты знаешь ее? — спросила Мария Сергеевна, подойдя.— Нет? Ты не помнишь... В седьмом классе комиссия приходила... Вспомнил? Я ее очень люблю. Она немножечко взбалмошная, но талантливая, душа открытая. Математичка ей велит идти на математический факультет, у нее блестящие способности, а в музыкальной школе настаивают, чтобы подавала в консерваторию.

— Куда же она сама?

— А она по-своему: хочет стать строителем, решила поэтому на два года уйти на производство. Чудо — не девка!

— Что же, всех их любишь? — не без иронии спросил я.

— Нет,— спокойно возразила Мария Сергеевна,— к каждой отношение свое. Вон ту, например,— видишь, стоит у колонны, она хитрая и мелочная, зубы у нее мелкие и реденькие — не люблю.

— А она тебя?

Мария Сергеевна начала сердиться.

— По крайней мере, побаивается! — резко сказала она.

— Худо, товарищ педагог.

— Наверное, худо. Но, как и у тебя, у меня в груди есть слабое сердце... А впрочем, я никогда к ней плохо не относилась, я за ее тройки страдала больше, чем она сама. Ладно, хватит. Смотри, все уже выходят, пора идти.

Я замолчал. Нет, обижать ее я не мог, да и не хотел.

Через несколько минут из-под лучей утомительного электричества, светившего ночь напролет, мы сразу вынырнули в белый день. Мы шли по чистому широкому асфальту, и впереди нас, сияя трубами, гремел оркестр шефа школы — металлургического завода.

Вокруг лежал тихий, непроснувшийся город. Воздух был чист и свеж, словно шли мы степной деревней. Пронзительно пахло тополем. На листьях деревьев сверкала роса.

Как после мучительной жажды, глубокими глотками я пил настоенный на тополе упругий воздух и не мог напиться; он словно обнимал меня всего с головы до ног, но, наверное, чтобы насытиться всей его свежестью и прохладой, в нем надо было раствориться.

Белые платья толпой двигались за оркестром, несли букеты цветов. По тротуарам, словно оберегая девичий кортеж, горланя, двигались мальчишки.

ИЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА

Благодарность народа

Самое значительное событие этого года для нас, финнов, глубоко проникшее в сердце народа,— продление Советско-Финляндского договора о дружбе и сотрудничестве и передача Финляндии территории Порккала-Удд. Этот благородный акт Советского государства сохранится в памяти финнов, пока волны Балтийского моря будут бить в берега Порккала, пока ветер будет шуметь в соснах, возвышающихся на его скалах.

Благодарность финского народа нашла свое яркое выражение в порыве многих финнов, которые спешили передать привет уезжающим русским солдатам и их семьям. Люди горели желанием выразить сердечную благодарность и чувство искренней дружбы, которая постоянно растет и крепнет между Финляндией и Советским Союзом. Этот момент я и запечатлел в своем рисунке.

Тапио ТАПИОВААРА

Хельсинки.

Солнце еще не показывалось. Но было оно уже где-то близко. Трепетные розовые лучи начали свою неуловимую игру в небе.

Вокруг не было ни души, но пустынность и тишина улиц делали наше движение по спящему городу событием особого значения.

Я держался чуть позади, шагая размашисто, в такт музыке. Мне казалось, что я участвую в чем-то необыкновенно смелом и благородном и становлюсь чище, моложе. Да, мне стали мешать и предусмотрительно захваченный плащ, повисший на руке, и пиджак на плечах. И странно, что-то подталкивало меня войти в самую середину толпы, стать ближе к ней. Это бессознательное чувство непонятно волновало меня.

Я не выдержал, ускорил шаг, пошел в толпе, потому что вдруг перестал чувствовать себя посторонним. Но теперь мне было совестно, что всю ночь я оставался болезненно нелюдимым. Уже не в первый раз мне приходилось досадовать на то, что трудно свыкаюсь с новыми людьми.

Близко от меня в окружении девушек шла Мария Сергеевна, прижимая к груди цветы. Широко открытыми глазами она смотрела вверх и вперед, словно напряженно припоминая что-то. Или, наоборот, она хотела крепко запомнить сегодняшнее. Я знал, что через полчаса, когда мы пойдем с ней домой, я укрою ее своим плащом и она расскажет мне, о чем думает.

Я был уверен, что мое отношение к Марии Сергеевне в чем-то изменилось. Я сделал какие-то открытия и, очевидно, лучше ее узнал, а ведь я всегда был убежден, что знаю ее хорошо. Но все это я как бы предчувствовал, а разобраться пока не мог. Я только изумлялся тому, как в сутолоке дней бываем бессильны мы увидеть и оценить проявления человеческого в близких нам людях. «И до чего же нелепо,— с возмущением думал я,— чем ближе нам эти люди, тем меньше мы видим!»

Мария Сергеевна заметила меня и подошла. Она молчала, уткнув нос в цветы. Я взял ее под руку. Мне казалось, что теперь я очень хорошо ее понимаю.

— Грустно, Маша? — спросил я.

— Да,— ответила она, пряча лицо в цветах. Потом она приподняла голову, на ее глазах были слезы. Я крепче сжал ее локоть.

— Скажи мне,— едва улыбаясь, спросила она,— неужели мы тоже постареем?

Я не сразу сообразил. Она же молода! Но вокруг шагали беспечные девчонки, пели песню, и они были еще моложе. Им она что-то отдала от себя. Нет, не что-то, а четыре своих года. Каждая унесет частицу ее самой. И не удивительно, что они так дороги ей.

— Нет,— твердо сказал я,— мы не постареем.

— Скажи, хорошие девчонки, правда? — спросила она, и глаза ее посветлели.

— Хорошие. Будут у тебя и еще лучше.

— Нет, таких уж не будет.

— Знаешь, не говори глупостей! Так лишь кажется тебе. Такие еще мальчишки и девчонки будут!

Мы подошли к памятнику Ленина и остановились. Подстриженные акации вокруг были ослепительно зелены. На каменном цоколе лежали гирлянды живых цветов,— кто-то нас опередил, в городе школ немало. Минуту или две мы стояли молча. Такова сила человеческой любви, что Ленин был для нас жив, и каждый мог с ним молча поговорить.

Сразу, как по команде, все стали смотреть на директрису. Но директриса ничего не сказала. Словно очнувшись, она улыбнулась, взошла по мраморным ступеням, положила свой букет, и остальные шумно последовали за ней.

Ленин на черном мраморном постаменте казался влитым в синеву неба. Его рука, спокойно простертая вперед, была выше тополей, выше зданий, как бы оберегала город.

Внезапно в переулке заиграл чей-то чужой оркестр, показались другие белые платья. Поднялся невообразимый шум и смех.

— Это же подходит двенадцатая школа, честное слово, двенадцатая! — раздавалось вокруг.

Образовались группы; рядом кто-то сговаривался тотчас отправиться в городской парк, на Ангару. Класс Марии Сергеевны тесно обступил ее. Я слышал, они решили во второй половине дня еще раз собраться в школе, посидеть спокойно, посоветоваться, обсудить какие-то дела.

После этого мы с ней отправились домой.

Дворники мели улицы. Показались первые, полупустые автобусы. Из-за Дворца профсоюзов вылезло багровое солнце.

Когда мы подходили к дому, в окно вылез Сережка, наш сын. Загорелый, худющий, он вытянулся на подоконнике в одних трусах. Скоро ему надо было отправляться в детсад.

— Эх, вы! — закричал он.— Я вас везде искал, я думал, вы меня обманули! Я думал, вы без меня уплыли!

И тут мы вспомнили, что завтра поплывем на пароходе по Байкалу. Снова увидим наше Сибирское море, будем купаться, загорать, варить на костре омулевую уху. Начинался наш отпуск.

Вл. РУДИМ

Когда к вам в квартиру приходят с телеграфа и говорят: «Получите фототелеграмму!», — эти слова вызывают у вас приятную улыбку. Вы заранее знаете, что сообщение должно быть интересным, необычным: такова уж особенность этого вида связи.

У окошечка Центрального телеграфа на улице Горького один из отправителей фототелеграмм, молодой рабочий подшипникового завода, сказал нам:

— Просто телеграмма — совсем не то. Вы видали, какие на обыкновенных телеграммах буквы? Казенные, одинаковые для всех, для своих и чужих, для холостых и женатых. Из них душевных слов не сложишь, а фототелеграмма — уже другое дело. Вот я лично свой почерк сейчас передам моей Тоне в Ярославль, а уж она такая, что́ ни напиши ей, — по одному почерку определит: вру я или нет, и в каком я настроении. Так что вроде кусочек своей души посылаешь.

Действительно, большинство отправленных фототелеграмм носит именно такой «душевный характер». Так что имейте в виду: если появится у вас необходимость послать такое сообщение — душевное и в то же время срочное, — то фототелеграф здесь незаменим.

Разъехавшиеся в далекие командировки влюбленные обмениваются своими маленькими портретами: один сделан в Минске, другой — среди уральских скал и отправлен из Свердловска; слесарь московского завода «Динамо» шлет родственникам в Ростов-на-Дону фотокарточку с припиской: «Снимались с Катей в день свадьбы». Юного горьковчанина укоряют из Иркутска: «Юрик, у нас даже Надежда умывается холодной ангарской водой, а ты же парень, надо закаляться!» На другом бланке плутоватая физиономия пресимпатичного малыша с яблоком. Из текста узнаем, что в этот день Витя впервые в жизни одолел целиком, «за один присест», яблоко и изрек свой первый афоризм. Когда мальчика предупредили, что в яблоке может быть червяк и, следовательно, нужно быть осторожным, Витя заявил:

— Это червяк пусть будет осторожным!

Теперь познакомьтесь с маленькими москвичами Ниной и Сашей Омельянюк — они сфотографированы возле нового детского сада, который посещают со дня открытия — октября 1955 года. Этот снимок послали бабушке в Минск.

По двум фототелеграммам мы быстро представили следующую картину: в Тбилиси сидит у себя дома черноглазый Гога и мастерит модель самолета. Но он торопится, и дело у него не ладится, а подумать как следует не хватает терпения. И тут он вспоминает: его друг москвич Коля, с которым он отдыхал в Артеке, отлично разбирается в такой модели. Нужно срочно запросить схему! Запрос сделан, и на следующий день умчалась из Москвы в Тбилиси по кабелям фототелеграфа точная схема, сразу облегчившая гогины «муки творчества». Конечно, Гога счел необходимым поблагодарить за оказанную помощь. Но и в этом случае он тоже не обошелся без заимствований: «Ой, спасибо Сулейману: он помог советом мне».

Если говорить о схемах, то надо отметить, что они частые гости на телеграфе: конструкторские бюро, инженеры шлют чертежи строителям, вносят срочные поправки в ранее составленные проекты. Поправок, к сожалению, многовато: видимо, и среди взрослых есть свои Гоги, которые торопятся и забывают верную пословицу: семь раз примерь, один раз отрежь!

А что на этом большом бланке с внушительной круглой печатью? Из Минска выручают хозяйственника: прислали фотодоверенность на получение трансформаторов. Видимо, он забыл захватить ее или же в день оформления отъездных документов начальство было «не при печати». Что ж, случается и такое.

Трудно перечислить все случаи, когда прибегают к помощи фототелеграфа. В таком деле даже сезон играет роль. Летом, например, из Сочи и других курортных мест шли в учреждения «косяки» фотозаявлений: так, мол, и так, в связи с тем-то и тем-то прошу продлить отпуск... Говорят, что ответных фототелеграмм не наблюдалось...

О СРОКАХ ОХОТЫ НА ЗАЙЦЕВ

В приближающемся осенне-зимнем сезоне охота на зайцев в Подмосковье по распоряжению Московского областного управления сельского хозяйства открывается позднее обычного — с 6 ноября 1955 года и продлится до 1 февраля 1956 года.

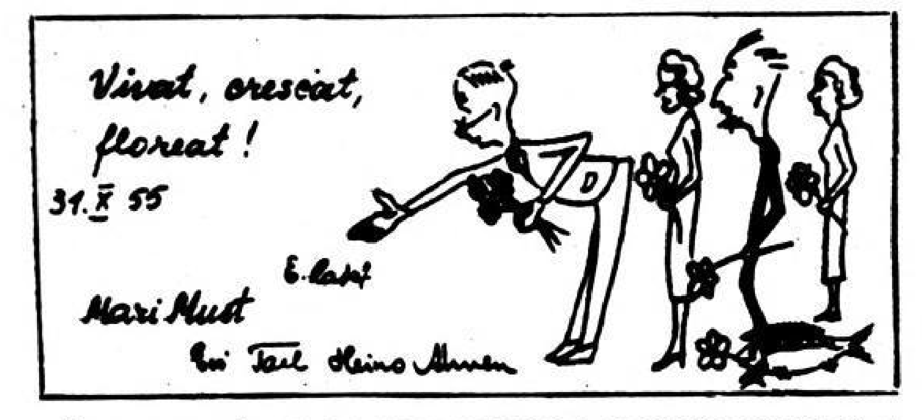
Охотники и рыболовы в соответствующее время тоже напоминают о себе. У охотника А. И. Овечкина будет на новогоднем столе зайчатина: беляк уже добыт!

Дорогой Сергей Евгеньевич! Разрешите поздравить Вас с новым годом!
Ваши аспиранты 于樹玉· 吳偉民
恭賀新禧

Не все фототелеграммы удалось нам прочесть. Вот бланки с текстами на русском и китайском, украинском и корейском, белорусском и польском, грузинском и армянском языках. Кому они принадлежат? В почтовом отделении МГУ на Ленинских горах нам удалось познакомиться с двумя китайскими товарищами, совсем недавно приехавшими в Советский Союз. Аспирант У Вей-мин и аспирантка Юй Шу-юй писали фотопоздравления к Новому году на русском и китайском языках. Их пожелание счастья заключено в иероглифах, которые мы и воспроизводим.

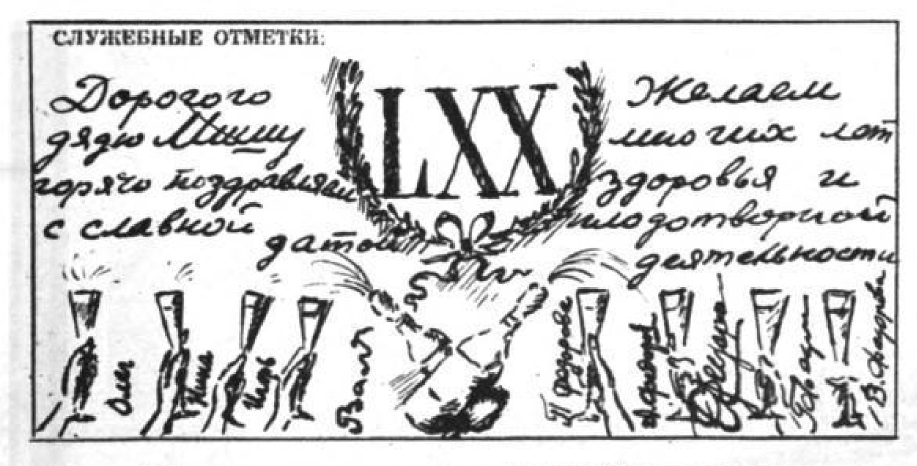

Нам показали фототелеграмму с рисунком и латинским текстом «Vivat, crescat, floreat!» означающим: «Да здравствует, укрепляется и процветает!».

Мы позвонили в Таллин к отправителям. Ими оказались сотрудники Института языка и литературы Академии наук Эстонской ССР Мари Муст, Эви Таэль, Хейно Ахвен и Эрих Райет. Они поздравляли свою знакомую Сильвию Раге, живущую в столице братской республики Риге, с успешной защитой диссертации. Телеграмма шла через Москву: прямой связи Таллин — Рига нет.

Широкий бланк украшен римскими цифрами LXX и восемью бокалами. Такое поздравление получил в связи с семидесятилетием москвич, заслуженный врач республики Михаил Иванович Федоров.

Авторы этого приветствия — родственники Михаила Ивановича: архитектор, технолог, экономист, воин Советской Армии, театральный художник, заведующая детским садом, домашние хозяйки.

Еще одна история. Из Ташкента приехал в Москву в командировку бухгалтер, заодно ему нужно было к Новому году привезти жене подарок — туфли. Только не какие-нибудь, а самой последней модели. И, упаси господь, не угодить жениному вкусу! Вот и стоял человек в магазине, долго вертел туфли и почесывал затылок: эти взять или эти? Или те?

И вдруг он хлопнул себя по лбу: фототелеграмма! И в Ташкент помчался снимок четырех пар туфель: выбирай, жена, сама. Бери ответственность на себя!

В одной из пачек лежал бланк с четырьмя рисунками, без единого слова текста. Но это своеобразное фотописьмо, отправленное из Ленинграда в Ташкент, нетрудно прочесть. И мы сразу прониклись сочувствием к неизвестной нам ленинградке, которая не имеет вестей из Узбекистана.

Как мы поняли по рисункам, оттуда, из Ташкента, нет ни писем, ни телеграмм, ни телефонных вызовов. Уж не посланы ли письма ради оригинальности с верблюдами?..

Немало фототелеграмм — и в прозе и в стихах — продиктовано влюбленными сердцами.

Студенты — москвичка и ленинградец — дарят друг другу свои фотокарточки. Судя по припискам, оба влюблены так сильно, что просто позавидуешь!

Юноше-москвичу понадобилось срочно подтвердить (очевидно, было соответствующее требование), что он попрежнему очень любит свою подругу. И слово «люблю» он написал очень толстыми буквами и подчеркнул его десять раз.

С некоторым недоумением рассматривали мы совсем краткую и на первый взгляд загадочную надпись: «КТЦ 1000. Твой Сашка-адмирал».

Девушка, принимавшая телеграммы, быстро разъяснила:

— Ой, это же ясно каждому: крепко тебя целую 1 000 раз!

А вот речь идет тоже о чувствах, но совсем иного рода. Бланк отяжелен фотокарточкой — строгий мужчина, выражение его лица таково, что, кажется, человек стоит, как солдат, по команде—смирно!—вытянув руки по швам. А пишет он следующее: «Дорогой товарищ заведующий! Не сочтите меня за подхалима. Я, как и вы, презираю это. Но я предан вам. Желаю вам долгих лет жизни и успехов в вашей руководящей работе».

Как говорится, комментарии излишни...

На бланке — выразительный, но непонятный рисунок. Девушка бросает в кого-то камень, у ее ног — целая куча камней, а чуть подальше валяются листы бумаги с надписью: «Диссертация».

Записываем адрес отправителя и едем к нему домой, чтоб получить разъяснения и разрешение напечатать фототелеграмму в журнале. Вот и цель — дом на Большой Калужской, четвертый этаж, на дверях медная табличка с фамилией профессора одного из столичных вузов.

— Да, это я отправлял, и рисовал тоже я,— сказал нам профессор.— Пожалуй, это будет иметь воспитательное значение: о самом факте, без указания имен, сообщите. А так-то я и сам с этой негодной девчонкой справлюсь, без помощи общественности. Ей нужно писать диссертацию, а она, негодница, влезла в какую-то склоку, ее кто-то, знаете ли, обидел, и из-за этого она уже месяц — целый месяц! — ничего не делает. Вот я и напомнил ей пословицу.

— Простите, о какой пословице вы говорите?

— Я же дал на фототелеграмме, так сказать, изобразительно смысл восточной поговорки: если ты направился куда-то и по дороге будешь бросать камни в каждую лающую на тебя собаку, то никогда не достигнешь цели.

...Мы снова на телеграфе, у окошечка, где принимают фототелеграммы в 28 городов Советского Союза. Да, пока только в двадцать восемь. И из-за этого у некоторых случаются огорчения. Два третьеклассника из Замоскворечья долго не могли понять, почему нельзя передать фототелеграфом их новогоднее поздравление на дрейфующие станции «СП-4» и «СП-5».

Был огорчен и сталевар завода «Серп и молот» Иван Васильевич Ерошкин: он хотел послать фотопоздравление сталевару «Запорожстали» Михаилу Акимовичу Якименко, с которым встречался в дни празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией, но с Запорожьем пока еще нет фототелеграфной связи. То, что «соорудил» Иван Васильевич, оказалось интересным и содержательным, и мы решили помочь Ерошкину: отправим фототелеграмму на «Запорожсталь» через «Огонек», напечатав ее в журнале. Так что теперь и мы можем сказать:

— Получите фототелеграмму!

НОВЫЙ ГОД

Александр ПРОКОФЬЕВ

Зиме не спится, не лежится,
Ей в путь пора! Она встает,
Потом с завьюженной, снежистой
Сам-друг с метелицей идет.

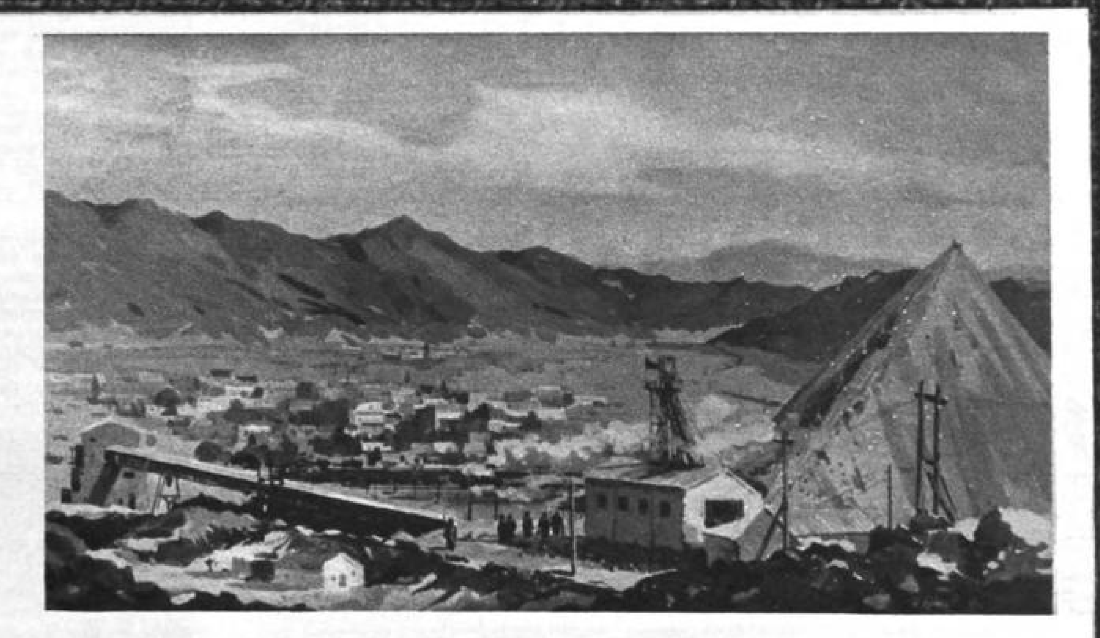
Идут, в себе души не чая,
И в снеголоме у берез
Их за околицей встречает
В бобровой шапке дед-Мороз.

А в поле, словно в небе, ясно:
Снега мерцают, блещет лед,
И самокрутка искрой красной
То ярко вспыхнет, то замрет.

Зайчишки пляшут возле елки,
Вихрь гонит в гон своих коней...
Зажглись огни в большом поселке,
Огни, огни, не счесть огней!..

А дальше город мой светлеет,
В нем ночь короче, день длинней
И елки в окнах зеленеют,
Огни, огни, не счесть огней!..

Рудник в степи

Еще со студенческих лет, когда мне удалось впервые побывать в Таджикистане, я полюбил этот солнечный край. А потом из года в год, в течение почти 25 лет, я наблюдал бурные его изменения: рост промышленности и культуры, расцвет колхозов и совхозов. Многое удалось запечатлеть в рисунках, этюдах, картинах. Так было и на руднике «Шурабуголь», который вы видите здесь.

Когда-то на голой и заброшенной земле стояло тут несколько жалких домишек, жизнь на руднике еще только-только начиналась. Среди первых рабочих преобладали люди, прибывшие сюда из далеких селений, еще не владевшие грамотой. Теперь это большой поселок, повидимому, будущий город Шураб с нарядными, благоустроенными домами. Изменился не только характер работы,— появились современные механизмы, пролегла железная дорога, — изменились и люди, ставшие подлинными хозяевами всего созданного ими в степи.

И. ЕРШОВ

Сталинабад.

На склонах Цилянь

Однажды я был в горах и там моим глазам представилось строительство огромного масштаба. Я был восхищен и потрясен, увидев силу китайского народа, способного передвигать горы. У меня зародилось желание отобразить свое восхищение в гравюре. В 1955 году на строительной площадке удалось мне сделать один за другим несколько набросков.

Я счастлив, что советские читатели увидят эту мою работу 1955 года и порадуются вместе с китайским народом нашим успехам в строительстве социализма. Не знаю только, удалось ли мне передать мой замысел.

Мои самые лучшие приветствия и сердечные новогодние пожелания читателям «Огонька». Примите их, дорогие друзья!

Лю КУАН

Пекин.

Е. Чарский, И. Чарская. НА ЗОРЬКЕ. **Ростов-на-Дону.** **Выставка произведений художников РСФСР.**

ПЕВЦЫ НАШЕЙ РОДИНЫ

В просторных залах Академии художеств недавно произошла интересная встреча художников разных городов, краев и областей РСФСР, представивших сюда свои работы истекшего года. Живописцы, графики, скульпторы Архангельска и Дальнего Востока, Калининграда и Грозного, Свердловска и Московской области и многие, многие другие показали на очередной ежегодной выставке многое из того, что они видели и чувствовали, о чем мечтали и что удалось им запечатлеть творчески.

Первое впечатление, которое складывается у зрителя, посетившего выставку работ этих художников, — ощущение богатства республики, многообразия ее обширных земель, красоты ее людей и природы. Свежо, ярко и ясно поведали об этом авторы представленных произведений. Выставка показывает и национальное своеобразие художников РСФСР, и кровную их связь с родными местами, и бесспорно возросшее мастерство.

Необычно много здесь оказалось пейзажей, красивых, искренних, живописных. Пожалуй, это был сильнейший раздел выставки. Часть художников с успехом пытается создать композиционный пейзаж, пейзаж-картину, такие, как «Лен цветет» или «Пришла весна» калужского художника Е. Щербакова, «Весна в Забайкалье» читинского живописца А. Федотова, «Молодая зелень» В. Федорова из Иванова. Все это обобщенные образы родной природы.

Наряду с картинами есть тут и этюды, сердечные и обаятельные, такие, как Ю. Васильева — на уральские темы, подмосковные — братьев А. и С. Ткачевых, уфимские — художников А. Пантелеева и Б. Домашникова, камчатские — И. Рыбачука из Владивостока, восточносибирские — красноярских художников Б. Ряузова, Т. Ряннеля, Р. Руйга.

Тепло и любовно изображают природу и людей северного края архангелец Д. Свешников («На новом пастбище»), свердловчанин В. Игошев («В родное стойбище»). Это основная тема их творчества. Оба художника увидели и передали подлинную поэзию суровой жизни еще мало знакомых зрителям-москвичам людей.

Много на выставке картин, в которых выразилась огромная любовь советских людей к детям. И детский жанр неизменно вызывает интерес зрителей. Бесспорной творческой удачей молодого новосибирского живописца Б. Крюкова является его картина «В школу» — простая и безыскусственная сценка, будто подсмотренная автором в жизни.

Скромна по размерам, зато написана с чувством картина художника из Ярославля В. Непостаева «Любимые сказки». С мягким юмором, с хорошей, доброй улыбкой рассказывают о детворе художники Л. Фаттахов в картине «Болельщики» и К. Успенская-Кологривова в картине «Не взяли на рыбалку». Особенно привлекательно второе полотно: столько неподдельного огорчения в фигуре обиженного малыша, столько лукавства и торжества выражает лицо его сестренки!

Молодой талантливый художник А. Ратников в своей большой картине «Нагулялись» изобразил целую гурьбу малышей детского сада, возвращающихся с прогулки. И в снегу они вывалялись, и носы у детишек покраснели, но они счастливы и довольны.

Одна из лучших жанровых картин — работа художника Смоленской области П. Ионова «Теплый дождичек». Казалось бы, тема незначительна и обыденна, да и решение ее не во всем совершенно, а вас трогает эта картина, задевает за живое, запоминается. Вот так и бывает, когда в хороший летний день вдруг откуда ни возьмись налетит туча. И если не успеешь спрятаться от теплых крупных капель дождя, то и не надо — хорошо! Просто и незатейливо П. Ионов рассказал об этом.

На выставке довольно много полотен на лирическую тему: о любви, молодости, весне — обо всем том, что так дорого сердцу. Среди этих картин «Подруги» братьев А. и С. Ткачевых — задушевный разговор двух девушек о любви, о дружбе. Кроме этого полотна, молодые способные художники показали и другие удачные картины, такие, как «Зимой», «Мать», и несколько лирических этюдов.

Овеяна поэтическим настроением картина художников Е. и И. Чарских «На зорьке». Есть в ней недостатки в форме и цвете, но живописцы будто подсмотрели в жизни смущение и радость молодой девушки, будто услышали взволнованный голос парня, стоящего рядом, звучащий надеждой и лаской... «Весна», «Осенний мотив», «Любит — не любит», «Первое письмо», «Вечерняя мелодия» — одни только названия картин, представленных на выставке, говорят о большом интересе художников к этим вечно молодым темам. Решают они их еще не всегда с одинаковым успехом, но с желанием выразить в художественных образах красоту человеческих чувств.

Были на выставке произведения, в которых художники пытались поднять большие темы — о трудовых делах наших людей. К числу таких картин относятся три полотна способного свердловского художника А. Бурака, автора известной картины «К сыну за помощью». Нынешние его картины — «К новому председателю», «Попали на заметку», «Первые критики» — хотя и говорят о способностях мастера, но ни одна по художественной убедительности не сравнялась с его предыдущей.

Среди картин на такого рода сюжеты — «Случай на пашне» молодых кировских художников Б. Каскова и В. Гускина, первая их совместная большая работа. Верно передано живописцами справедливое возмущение колхозников, только что уличивших тракториста в недобросовестной вспашке. Тепло написана картина свердловского художника Н. Чеснокова «Заочница».

Проходя по залам выставки, видя обилие имен молодых, я невольно вспомнил и свою молодость художника. Давно это было, чуть не 50 лет назад. Учился я тогда в Казанском университете, а живопись любил беспредельно и занимался ею самостоятельно. И вот никак у меня небо не получалось. Рассказал об этом настоящему художнику, приехавшему после окончания Академии художеств в Казань. Он засмеялся: «Напиши раз с тысячу, тогда получится!» Не случайно я об этом вспомнил — на выставке сегодня многим еще не хватает мастерства, а у некоторых чувствуется и отсутствие хорошей школы. Но, побывав здесь, почувствовав влюбленность молодых художников в свое дело, нельзя не поверить в то, что мастерство и высокая культура еще придут к ним. От души желаю им этого.

П. РАДИМОВ

А. Ратников. НАГУЛЯЛИСЬ. **Московская область.** **Выставка произведений художников РСФСР.**

Н. Чесноков. ЗАОЧНИЦА. **Свердловск.** **Выставка произведений художников РСФСР.**

К. Успенская-Кологривова. НЕ ВЗЯЛИ НА РЫБАЛКУ. **Воронеж.** **Выставка произведений художников РСФСР.**

МЫ ПОЕМ С ПОЛЕМ РОБСОНОМ

А. СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

О том, что Поль Робсон тяжело болен, мы узнали в здании Организации Объединенных Наций. Мы бродили по этому красиво отделанному зданию, рассматривая отдельные залы. Задержались в зале Совета Безопасности возле большого панно, выполненного норвежским художником Пьером Крогом. Панно изображало людей, проходящих через тяготы войны и наконец обретающих покой и мир. Все темное было изображено внизу, все светлое — наверху. Острую, несколько угловатую манеру Пьера Крога можно было сразу узнать: мне довелось два года назад видеть его талантливые работы в огромных залах ратуши в Осло и в норвежских музеях. Творчеству художника присуще глубокое проникновение в человеческие характеры, пристальное внимание к подробностям людской жизни.

Нас окружили фотокорреспонденты нью-йоркских газет.

— Подойдите ближе к картине,— сказал один из них.

— Здесь изображена война, а нам хочется быть от нее подальше!

— Но нам это нужно!

— А нам не нужно.

— Умоляю вас!— шумел фотограф.

— Вы опять выкинете какую-нибудь штучку!

— Честное слово, нет! — воскликнул репортер, направляя на нас фотоаппарат.

Дело в том, что на Уолл-стрите один из репортеров сфотографировал нас возле дорожной таблички: «Движение только в этом направлении». Стрелка указывала на Уолл-стрит. Снимок появился в одной из газет. Мы очень смеялись над этим фототрюком. Наивные люди! Если бы так просто и легко выполнялись желания людей, сидящих в банковских конторах, на которые указывала стрелка! Прямо скажем: тяжел хлеб фоторепортеров в Америке...

Щелкнули фотоаппараты. Мы отправились дальше. Зал Совета по опеке. Зал Экономического и Социального совета. Зал Генеральной Ассамблеи...

После осмотра здания ООН иностранные корреспонденты, аккредитованные при Организации Объединенных Наций, попросили нас ответить на некоторые вопросы. На этот раз пресс-конференция шла, то, что на нашем журналистском языке называется «прилично». Самым «острым» был вопрос:

— Что вы можете сказать о безработице в США?

Ответил Валентин Бережков:

— Видите ли, мы живем в гостинице «Уолдорф-Астория»...

Аудитория ответила смехом. Ответ оказался удачным. Отель «Уолдорф-Астория» считается в Нью-Йорке самым лучшим, там останавливаются бизнесмены, дельцы, кинозвезды, иностранные делегации и просто богатые туристы.

И в этот момент мы увидели стоящую в стороне смуглую женщину с черными смоляными волосами, тронутыми сединой. Она улыбалась нам. И хотя никто из нас раньше не встречал ее, мы сразу поняли: это жена Поля Робсона, Эсланда.

Пресс-конференция закончилась. Мы подошли к Эсланде. Вот тут она и сказала нам, что Поль болен, ему сделали операцию и он лежит в госпитале.

— А нам так хотелось повидать его!

— Поверьте, он тоже очень хочет видеть вас, говорить с вами. Очень хочет...

Мы стояли друг против друга: смуглая черноволосая женщина с сияющими глазами и советские журналисты, давние друзья и поклонники этого чудесного человека и замечательного певца. Нас уже тащили куда-то дальше и требовательно говорили «идемте, господа». Но нам не хотелось быть «господами» и не хотелось никуда идти.

— Идите, идите, вас ждут,— сказала Эсланда.— Я передам ему ваши приветы.

— Эсланда, мы не простим вас, если к нашему возвращению в Нью-Йорк Робсон не будет совершенно здоров.

Эсланда смеялась:

— Он будет здоров. Обещаю вам!

— Смотрите, мы не уедем из Америки, не повидав Робсона, не пожав ему руку.

Так мы и улетели из Нью-Йорка в путешествие по Америке, не повидав Робсона, с тревогой за его здоровье, с надеждой увидеть его по возвращении. Не повидали мы вначале и Говарда Фаста, хотя и получили от него телеграмму, в которой он приветствовал наш приезд. Не повидали и остальных друзей.

Началась наша напряженная поездка по Америке. Мы пересекли ее дважды — от Атлантического к Тихому океану и снова к берегам Атлантики: штат Огайо, штат Юта, Калифорния, Аризона, Вашингтон. Много было встреч, много впечатлений. Не хватало времени для записей в блокноты, не хватало времени для сна. Мы даже сочинили такой лозунг: «Сведем сон до минимума!». Но потом и он показался нам недостаточным, и мы провозгласили другой, более решительный: «Искореним сон из нашего быта!».

Но вот снова под крыльями самолета замелькали ночные огни Нью-Йорка — зрелище очень красивое: гирлянды зеленых, красных, золотистых огней, скрывающих во тьме глыбы небоскребов.

Самолет пошел на посадку. Короткая пробежка. Мы выходим из самолета. Толпятся фоторепортеры, но они не одни — еще больше полицейских. Мы спрашиваем:

— Не слишком ли почетная встреча? Пятьдесят полицейских на семь советских журналистов?

Эдмунд Глен, представитель госдепартамента, сопровождавший нас из Вашингтона в Нью-Йорк, человек, любящий точность, не согласен с нами:

— Извините, господа, не пятьдесят, а тридцать девять и три детектива.

Удивленные выдающимися математическими способностями мистера Глена, молниеносно подсчитавшего количество встречавших нас полицейских, мы сели в машины и отправились в отель «Уолдорф-Астория». По странной «случайности» нас поселяют в тех же самых семи номерах, в которых мы жили до отъезда из Нью-Йорка.

Теперь наше желание посетить Поля Робсона и Говарда Фаста должно было осуществиться. Мы даже собирались нагрянуть к ним домой. Но случилось все иначе. На другой день после прилета в Нью-Йорк мы должны были посмотреть нашумевший здесь музыкальный фильм «Оклахома». Мистер Глен еще в Вашингтоне предупредил:

— Я уже заказал билеты.

Мы поблагодарили тогда мистера Глена за любезность. Вечером, когда мы спускались в лифте, Глен сказал:

— Очень неприятно, господа: кто-то сообщил в газеты о том, что вы сегодня в восемь часов двадцать минут будете смотреть «Оклахому».

Мы не придали значения замечанию мистера Глена: мало ли о чем здесь пишут газеты! Но он продолжал:

— Видите ли... я не уверен... Но может быть...

Мы уже выходили из лифта:

— Что может быть, мистер Глен?

— Нет, ничего особенного... Но

ИЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА

Подписью к этому рисунку я взял древнее латинское изречение: «Пусть голуби совьют гнездо в шлеме воина». Это не придет само собой, за это надо бороться всем людям доброй воли.

Рокуэлл КЕНТ

Нью-Йорк.

очень жаль, что это напечатано в газетах...

— Мистер Глен, никто из нас никаких интервью по этому поводу репортерам не давал.

Разговор продолжался уже на улице. Поднимая воротник и ежась под холодным ветром, Глен бормотал:

— Очень жаль все-таки...

— Да что, собственно, жаль?— не вытерпел Аджубей.— В чем дело?

— Нет, ничего особенного, господа... Просто я имею некоторые сведения... Там может быть демонстрация... Но вы не беспокойтесь, вас будут охранять полицейские...

— В кинотеатре полицейские?!

— Да, вы не беспокойтесь...

Мы стояли на тротуаре против гостиницы.

— Вы нас официально ставите в известность?— спросил, накаляясь, Борис Изаков.

— Нет... Но я имею сведения,— продолжал Глен, зябко поводя плечами.

Видимо, кому-то очень хотелось перед нашим отъездом на Родину устроить что-либо похожее на скандал и тем самым испортить впечатление о поездке у многих хороших людей, с которыми мы встречались во время путешествия по Америке. Нет, такого удовольствия этим невидимым, но все время ощущаемым нами господам мы не могли доставить.

— Мы не пойдем на «Оклахому», мистер Глен.

— Как хотите, господа... Как хотите...

ПОЛЬ РОБСОН. Фотография 1955 года.

Мы расстались. Глен пошел вдоль улицы, втянув голову в плечи. Мы молча смотрели ему вслед. Затем повернули и направились в номер к Борису Полевому. Он в этот вечер приводил в порядок свои дорожные записи. Мы открыли дверь — и остановились на пороге: Полевой был в номере не один. Увидев нас, он сказал:

— Друзья, это...

Но нам не надо было представлять человека, поднявшегося при нашем появлении со стула. Это был Говард Фаст. Сколько раз мы удивлялись мужеству этого человека, его таланту, его потрясающей работоспособности! Не видя его никогда, мы всегда слышали голос Фаста. И сейчас нам показалось, что мы уже давно знакомы с ним, и не только по книгам.

Фаст был не один. В комнате, улыбаясь нам, стояла коротко остриженная рыжеватая женщина.

— А это жена Фаста, Бетти,— сказал радостно Полевой.

И тут начался разговор — и на английском, и на немецком, и на русском языках, разговор без перевода, когда кажется, что каждое твое слово понимают и ты понимаешь каждое слово твоих собеседников. А когда слова иссякали и возникали паузы, следовали выразительные похлопывания друг друга по плечу, улыбки и начинал действовать тот международный язык жестов, которым успешно пользуются многие из нас, бывая в далеких странах, и которым, в свою очередь, пользуются зарубежные гости у нас, в Москве. Недолгой была наша первая встреча с Говардом Фастом в гостинице «Уолдорф-Астория»! И как-то сразу забылся эпизод с неудачным нашим походом на фильм «Оклахома»...

...И вот наконец еще один вечер на квартире одного из американских журналистов. Нас встретили как старых друзей.

— Майкл Голд, — представился седой худощавый человек, по внешнему виду которого можно было сразу определить, что ему не сладко живется. Еще бы! Этот очень хороший, любящий свою страну человек, широко известный в мире писатель вместо того, чтобы целиком отдаться литературному труду, вынужден работать на заводском конвейере. Его тихая седая жена крепко пожимала нам руки.

— Рады, рады вас видеть...

Открылась дверь, и вошел коротко подстриженный, порывистый голубоглазый человек.

— Альберт Кан, — сказал он. И опять внешний облик этого человека как-то совпал с нашим представлением о нем, с представлением о его острой публицистике, прямой и беспощадной в своей правоте.

Вскоре пришли Бетти и Говард Фаст. Фаст держал в руке объемистый желтый портфель. Мы удивились: неужели он такой деловой человек, что никогда не расстается с портфелем?

— Содержимое его вы увидите в конце вечера,— ответил Фаст.

Нас познакомили с Джозефом Норсом, бывшим докером, сейчас занимающимся журналистикой. Эдвин Смит написал на своей визитной карточке такие слова: «Смит хочет советскии песи (пьесы) в переводе». Он подробно объяснил свое желание:

— Пришлите, пожалуйста, пьесы советских драматургов в переводе на английский язык. Я хочу познакомить американцев с вашей драматургией.

В комнатах стало шумно. Борис Изаков сидел рядом с Фастом и рассказывал о том, как переводил его книги. Фаст внимательно слушал, потом спросил:

— У вас издатели — тоже враги писателей?

— Нет, нет... Мы считаем, что друзья.

— Друзья, друзья,— поддержали мы Изакова.

— А если писатель напишет плохую книгу, тогда тоже друзья?

— Друзья,— отвечали мы,— все равно друзья. Если кто-нибудь напишет плохую книгу, ее не издают.

— Значит, враги?

— Нет, именно друзья, дорогой Говард.

— Друзья, друзья,— закивал головой Фаст.— Именно друзья...

И вдруг в комнате возле низенького круглого стола все стихло.

— Эсланда Робсон,— сказала хозяйка дома.

— А где... он?— спросили мы тревожно Эсланду.

— Здесь, здесь... Он первый раз вышел из дому после болезни.

И вот в комнату вошел Поль Робсон с сыном Полем. Видно, что болезнь была нелегкой. Робсон похудел. Но он шел к нам мягкой, пружинистой походкой большого, сильного человека. Наконец-то мы его увидели!.. И потекла беседа возле круглого столика.

— Как чувствуете себя, Робсон?

— Уже хорошо, уже хорошо,— отвечал Робсон чуть гудящим, низким и таким знакомым голосом.

— Тяжелая была болезнь?

— Она прошла,— значит, уже не тяжелая... Я старался работать во время болезни.

— Работать?

— Эта работа была для меня удовольствием... Когда я приеду к вам, мне хочется сыграть Отелло. Я учил эту роль. Вы помните?

В комнате на русском языке зазвучали проникновенные слова монолога Отелло:

— Почтенные, знатнейшие
синьоры
И добрые начальники мои!

Увидев, как внимательно слушают его, Робсон остановился:

— Остальное я дочитаю в Москве...

У ног Робсона, на ковре, пристроился его сын, помогавший отцу разговаривать с нами. Младший Робсон, инженер-электрик, хорошо знает русский язык. Во время одной из пауз, когда кто-то отвлек Робсона разговором, мы поднялись, подошли к нему со спины, положили руки на его широкие, крепкие плечи и тихо, на басовых нотах запели:

— Ах ты, ноченька...

Робсон удивленно поднял голову, внимательно посмотрел на нас, ничего не сказал и тихо включился в песню:

— ...ночка темная...

Мы замолчали. Теперь пел уже один Робсон. Эсланда чуть тревожно смотрела на мужа. А в комнате раздавались слова русской песни. И вспоминалась Москва, зал Чайковского, Поль Робсон вместе с Иваном Козловским

на сцене. Сотни восторженных глаз москвичей. И шквал, именно шквал, иначе не скажешь, проносится по залу после того, как затихла песня. А Робсон, обнявшись с Козловским, стоит на сцене...

— Пою первый раз после болезни,— вздохнув, чуть слышно промолвил Робсон.

— Трудно петь,— сказал Полевой.— Пусть наши споют сочиненные нами здесь во время путешествия песенки.

— О, очень хорошо!— Робсон приготовился слушать. Мы поняли, что отказываться не имеем права, и хотя нам было страшновато петь перед самим Робсоном, мы спели наши песенки, повествующие и о нас самих, и о тех, с кем мы встречались, и о том, что повидали в Америке.

Одна из песен заканчивалась такими словами:

Новый день не просто
занимается,
Но таков уже двадцатый век,—
Безусловно, где-то
повстречается
С человеком человек.

Или мелодия этой простой песенки докатилась через Атлантический океан, или просто по своей доходчивости сразу запомнилась,— не знаю, но слова «Безусловно где-то повстречается с человеком человек» Поль Робсон пел уже с нами и со всеми, кто сидел вокруг маленького, но такого дружеского стола.

Когда наш дорожный репертуар был исчерпан, мы, смотря виноватыми глазами на Эсланду, робко попросили:

— Поль, ну, хотя бы одну свою песню...

Что-то светилось в глазах Робсона такое, что нам не надо было повторять просьбу. Робсон запел. И снова, как когда-то в зале Чайковского, мы услышали и «Спи, мой бэби», и его любимого «Водоноса», и другие песни. Робсон сидел перед нами, прикладывая на низких нотах ладонь к уху. Видимо, он сам получал удовольствие и от того, что он с нами, и что он снова здоров, и что его так бережно слушают... Он пел, и с каждой песней голос его крепчал, словно освобождаясь от какой-то тяжести... И вдруг зазвучал совсем по-молодому:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и
рек;
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Теперь уже снова мы пели с Робсоном, и не только мы, а все, кто сидел за столом, на маленьких скамеечках, а то и просто на ковре...

Робсон ушел раньше других: ему нужно было отдыхать. А в комнатах еще долго звучали американские и русские песни. Когда мы прощались, Говард Фаст раскрыл портфель и каждому из нас подарил свои книги.

— Вот что было в моем портфеле,— говорил он, надписывая книги.

* * *

На другой день Борис Полевой, навестивший Поля Робсона дома, привез нам его фотографии с теплыми, дружескими надписями. И в этот же день мы получили от Альберта Кана вместе со словами привета семь красных роз.

„Я ваш друг, настоящий друг!"

За несколько дней до Нового года редакция журнала «Огонек» обратилась к Полю Робсону, находящемуся в Нью-Йорке, с просьбой дать интервью. Мы приводим стенографическую запись беседы, состоявшейся между Полем Робсоном и корреспондентом «Огонька» по телефону.

«ОГОНЕК»: Здравствуйте, дорогой Поль Робсон. Очень рады Вас слышать. Передаем Вам привет от читателей «Огонька», от всех советских людей, желаем счастья в новом году.

РОБСОН: Сердечное спасибо!

«ОГОНЕК»: Советские люди очень любят Вас и интересуются всеми подробностями Вашей жизни. Поэтому заранее просим извинить, если утомим Вас. Прежде всего о Вашем здоровье. Мы слышали, Вы были больны?

РОБСОН: Я сейчас вполне здоров.

Робсон добавляет по-русски: «Все в порядке!»

«ОГОНЕК»: Как поживают Ваши жена и сын?

РОБСОН: Они рядом со мной, слушают наш разговор по отводной трубке. Семья моя чувствует себя прекрасно, как и я.

«ОГОНЕК»: Передайте Вашей семье наш горячий новогодний привет.

РОБСОН: Большое спасибо!

«ОГОНЕК»: В письмах, которые мы получаем, читатели спрашивают, как живет, что делает и что собирается делать Поль Робсон.

РОБСОН: Расскажу о том, что у меня намечено на ближайшее будущее. Я собираюсь поехать с концертами в Канаду, совершу также турне по Америке. Концертам в Канаде я придаю большое значение.

«ОГОНЕК»: Над чем Вы сейчас работаете?

РОБСОН: Я работаю над новыми песнями своего народа — американских и африканских негров. Тексты многих из моих негритянских песен скоро будут переведены на русский и другие языки. Я также разучиваю «Колыбельную Еремушки» Мусоргского и несколько арий из «Бориса Годунова». Кроме того, на моем рабочем столе ноты песен Шостаковича и Прокофьева. Над ними я работаю упорно и серьезно.

«ОГОНЕК»: Мы знаем Вас как выдающегося певца и актера. Но известна и другая сторона Вашей деятельности: ведь Вы лингвист. Что Вы нам расскажете о своей работе в этой области?

РОБСОН: Я изучаю язык и культуру многих народов. Большое наслаждение доставляют мне народные песни Китая, Венгрии, Польши, Чехословакии. Я, не переставая, занимаюсь языками; это оказывает большую помощь. Это, как мне кажется, одна из самых важных сторон моей творческой жизни.

«ОГОНЕК»: Китайский язык Вы тоже изучаете?

РОБСОН: Да. Уже читаю по-китайски и пою много китайских песен. В Китае есть сейчас пластинки с этими песнями.

«ОГОНЕК»: Мы часто слышим Ваш голос по радио. И сейчас рады слышать его по телефону. Но читатели спрашивают: когда мы сможем увидеть Вас, послушать живой голос Робсона?

РОБСОН: Скажите вашим читателям, что они, безусловно, услышат меня в скором времени. Я надеюсь, что вопрос о поездке будет разрешен благоприятно, и тогда мне удастся увидеть вас всех в России. Это будет через несколько месяцев, может быть, даже в первой половине наступающего нового года. Я надеюсь, что скоро смогу приехать и в страны народной демократии.

«ОГОНЕК»: Ваше мнение о культурных связях между нашими странами?

РОБСОН: Ваши музыканты, приезжавшие в Америку, пользовались потрясающим успехом. Их концерты, безусловно, послужат делу установления дружбы между американским и советским народами, которые одинаково хотят мира.

Моя жена, Эсланда Робсон, в последние дни работает корреспондентом на Генеральной Ассамблее ООН и имеет возможность лично видеть, какие благородные усилия прилагает Советский Союз в борьбе за мир и разоружение.

«ОГОНЕК»: Вам особый сердечный привет передает главный редактор «Огонька», который недавно побывал у вас в США в составе делегации советских журналистов. Он и его товарищи с удовольствием вспоминают встречу с Вами. Что Вы думаете о поездке наших журналистов в США?

РОБСОН: Благодарю за привет. Я прекрасно помню встречу с советскими журналистами. Их поездка, безусловно, способствовала лучшему взаимопониманию между нашими народами. Люди до сих пор говорят здесь об этом визите. В свою очередь, американские журналисты, побывавшие в Москве, вернулись с большими впечатлениями. Такой обмен, безусловно, полезен, его надо практиковать чаще.

«ОГОНЕК»: Когда мы опубликуем это интервью, в Советском Союзе уже начнутся гастроли американской труппы «Эвримен опера». Не сомневаемся, что она встретит у нас горячий прием. В Ленинграде уже распроданы все билеты. Какое напутствие Вы передали бы актерам?

РОБСОН: В состав этой труппы вошли многие лучшие негритянские актеры. Я надеюсь, что они будут иметь у вас большой успех. Когда встретите актеров, передайте им мои лучшие пожелания. Я лично знаком со многими из них и уверен, что советский народ по достоинству оценит их мастерство.

«ОГОНЕК»: Есть такой новогодний тост: «За исполнение желаний!» Мы бы хотели знать, за исполнение каких желаний поднимает свой бокал в новогоднюю ночь Поль Робсон.

РОБСОН: Прежде всего за то, чтобы всеобщий мир стал реальностью. Я надеюсь, что мой народ в Соединенных Штатах, народы колоний и народы всего земного шара добьются прочного мира и процветания. Поездка Булганина и Хрущева в Индию, Бирму и Афганистан — большое событие, имеющее в этом смысле огромное значение. Она укрепила надежды народов на свободу и независимость. Хотелось бы верить, что новый год всем принесет полные гражданские права. И я, безусловно, надеюсь на установление глубокого взаимопонимания между американским народом и народами других стран.

«ОГОНЕК»: К сожалению, дорогой Робсон, мы не можем «напечатать» в нашем журнале Ваш голос, который любят и знают все советские люди. Но наш разговор записывается на магнитофоне. Может быть, Вы споете хотя бы один куплет какой-нибудь песни, мы попросим передать его по радио. (Робсон поет на английском языке, а затем на русском — «Песню о Родине» Дунаевского.)

«ОГОНЕК»: Наша беседа близится к концу. Что хотели бы Вы передать читателям «Огонька» и всем советским людям перед наступлением Нового года? Если можно, скажите несколько слов по-русски.

РОБСОН: Мысленно я всегда с советским народом. Скажите советским людям, что я регулярно читаю ваши газеты и журналы, что я в курсе всего, что делается в вашей стране. Я очень надеюсь скоро увидеть вас.

Робсон повторяет по-русски: «Скоро, очень скоро!»

«ОГОНЕК»: Еще несколько слов по-русски, мы обращаемся к вашему таланту лингвиста.

РОБСОН (говорит по-русски): Когда я в последний раз был в Москве, я пел в зале Чайковского. Это был памятный для меня день. Передайте от меня и моей жены привет женщинам Советского Союза! Я люблю Советский Союз, очень, очень люблю! Я ваш друг, настоящий друг!

«ОГОНЕК»: Сердечное спасибо, дорогой Поль Робсон! Желаем Вам и Вашей семье здоровья и счастья. С Новым годом!

Вел интервью Г. Боровик.

ПОСЛЕДНИЙ МАТЧ ФУТБОЛЬНОГО СЕЗОНА

Николай ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

«Сегодня в Москве было тридцать градусов мороза». Эти слова московского диктора слушали по радио наши спортсмены, гостившие в Каире. За распахнутыми окнами отеля «Континенталь» были видны зеленые баобабы, финиковые пальмы, с которых недавно сняли плоды, цвели розы. В комнаты доносилось горячее дыхание близкой Сахары.

Московский диктор сообщал о хоккейных матчах и лыжных гонках, а здесь, на берегах Нила, вблизи древних пирамид, наши футболисты провели свою последнюю в этом году международную встречу.

Радушно и гостеприимно встретила египетская общественность приезд советских спортсменов. В эти дни в Каире широкое распространение получило русское слово «хорошо». По многочисленным фотографиям, опубликованным в газетах и журналах, наших спортсменов всегда узнавали на улицах. Вокруг них неизменно собиралась толпа, футболистам протягивали дружественные руки, и отовсюду слышалось одно слово: «Хорошо!»

В день первого матча с национальной сборной командой Египта были переполнены не только трибуны стадиона, но и крыши ближних зданий. Болельщики, не сумевшие проникнуть на стадион, взобрались на высокие пальмы и оттуда наблюдали игру. Уже первое появление на поле наших футболистов, вышедших для разминки, вызвало бурную овацию на трибунах. Зрители дружно скандировали: «Хо-ро-шо! Хо-ро-шо!»

Крупная вечерняя газета «Ля бурс эжипсьен» писала: «Чрезвычайное событие произошло на футбольном матче Египет—СССР. Впервые египетская публика аплодировала и приветствовала иностранную команду, которая выигрывала у египетской команды...»

Президент и Премьер-Министр Египта Гамаль Абдель Насер вручает Татушину серебряную медаль армейской спортивной федерации.

Конечно, каирские болельщики горячо желали успеха своей команде, и достаточно было одному из египетских игроков овладеть мячом, как его уже награждали дружными аплодисментами. Среди хозяев поля особенно выделялся центральный защитник суданец Ханафи — игрок весьма высокого класса. Много пришлось поработать вратарю национальной команды Египта Бараскасу. И нужно сказать, что он блестяще защищал свои ворота. Встреча закончилась победой наших футболистов со счетом 2 : 0. Во втором матче с этой же командой советские спортсмены забили три мяча, пропустив в свои ворота один.

Газеты посвящали прошедшим матчам целые страницы, отмечая высокие качества советских футболистов. Близкая к правительству газета «Аль-Гумхурия» опубликовала отчет под заголовком: «Игра русских — это техника, скорость и полная сыгранность». В статье говорилось: «Команда прекрасна в полном смысле этого слова». Газета «Ля бурс эжипсьен», разбирая проведенные встречи, между прочим, писала: «Редко на нашей земле можно увидеть столь совершенного игрока, как великий Нетто».

Между тем «великий Нетто» и его товарищи, взгромоздившись на верблюдов, путешествовали вокруг пирамиды Хеопса. В свободное от игр и тренировок время наши футболисты совершали многочисленные экскурсии, знакомились с памятниками великой древней культуры египетского народа.

11 декабря сборная команда Москвы провела свой последний матч в Каире. Она встретилась с футболистами египетских вооруженных сил. На центральной трибуне стадиона армейской спортивной федерации — Президент и Премьер-Министр Египта Гамаль Абдель Насер. Рядом с ним Посол Советского Союза Д. С. Солод. Здесь же присутствуют члены кабинета министров и Руководящего Революционного Совета. Прозвучали гимны СССР и Египта. Президент и Посол обходят шеренгу футболистов, здороваясь с каждым.

Этот очень острый и напряженный матч команда Москвы выиграла со счетом 1 : 0. Египетские спортсмены показали величайшее упорство и необыкновенную энергию. Одна каирская газета назвала игру своей команды в этой встрече «героической обороной».

После матча здесь же, на стадионе, Гамаль Абдель Насер вручил советским спортсменам награды — серебряные медали армейской спортивной федерации. Президент поблагодарил команду за проведенные игры и пожелал ей новых успехов.

Я попросил президента Египетской футбольной ассоциации г-на А. Салема поделиться с читателями «Огонька» своими впечатлениями о прошедших играх. Он сказал:

— Советские футболисты играли чрезвычайно хорошо. Их точная пасовка иногда напоминала шахматные комбинации. Игроки виртуозно владеют мячом, а вся команда имеет отличную тактику. Мы надеемся, что наша национальная команда совершит в будущем году ответный визит в Москву. Мы все этого очень желаем. Еще я хотел бы особенно отметить весьма дружественную атмосферу, в которой проходили все игры. Я надеюсь, что дружественные связи между спортсменами наших стран будут еще более расширяться.

г. Каир.

Капитаны команд Ханафи и Нетто обмениваются вымпелами.

Напряженный момент у ворот сборной команды Египта.

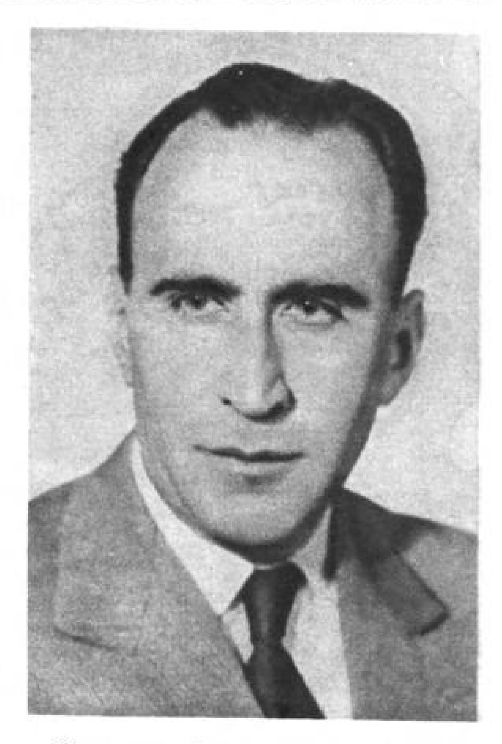

Симонян и Порхунов решили прокатиться на верблюде.

МОЙ ТОВАРИЩ—ОТЕЦ

Рассказ

Балтасар КАСТРО

Балтасар Кастро Палма (родился в 1919 году) — видный общественный деятель Латинской Америки, председатель Трудовой партии Чили, депутат парламента, член Всемирного Совета Мира.

Им написаны книга рассказов «Камень и снег», роман «Человек на дороге», роман «Сьюэлл», посвященный описанию тяжелой жизни чилийских горняков.

В течение долгих лет во мне зрела мысль, что мой отец был существом по-своему необыкновенным. Я совсем не хочу изображать его каким-то совершенством, вовсе нет. Отец мой, Педро Альбинья, принадлежал к многострадальному рабочему классу Чили: как в жизни его класса, так и в его собственной было много прекрасного и достойного, но были и некоторые недостатки, существования которых я не могу теперь отрицать, как бы ни были полны чувством сыновней любви мои слова.

Родился я в принадлежащем североамериканской компании рабочем поселке Сьюэлл, в шестидесяти четырех километрах от Ранкагуа в направлении горной цепи Анд. До самой смерти отца я был, так сказать, гражданином рудника и каменистых гребней, которые окружали четырех- и пятиэтажные берлоги, заселенные горняками.

Человек, благодаря которому я появился на свет, пробуждал самые противоречивые чувства. Появляясь на пороге нашего жилища, он сразу заполнял собою весь дом. При взгляде на его нахмуренное лицо с горящими глазами и огромными рыжими с проседью усами казалось, что вот-вот разразится страшнейшая гроза, подобная тем, которые бушуют в горных ущельях, окружающих поселок, и обрушивают снежные глыбы, заставляя трепетать сердца сьюэллских женщин. Он снимал свою шахтерскую фуражку, подбитые гвоздями ботинки и засаленную куртку, первоначальный цвет которой приобрел неопределенный оттенок рудничной пыли, и, засучив рукава, вооруженный полотенцем, направлялся к общему умывальнику, имеющемуся на каждом этаже. Возвращался он другим человеком, будто его подменили. Его светлые глаза и каштановые волосы имели совсем иной вид. Правда, входя в дверь, он опять всю ее заполнял, но теперь он весь светился улыбкой, и взгляд его был полон нежности.

— Что у вас нового, Мария? — спрашивал он у моей матери, которую не видел с раннего утра, с семи часов, когда уходил в смену.

— Ничего особенного, Педро. Недавно заходил господин Танаскович и облазил весь дом. Вы ведь знаете, как он любит всюду совать свой нос.

На мгновение в глазах отца появлялась прежняя суровость, как будто он хотел растоптать и стереть с лица земли ненавистного Танасковича, начальника санитарной охраны, который имел обыкновение инспектировать комнаты рабочих в те часы, когда женщины оставались дома одни. О нем ходило немало разных историй, поскольку он любил заставать женщин неодетыми.

Но когда мать подавала обед и вся наша кухня-столовая наполнялась аппетитным паром, изгонявшим воспоминание о сыром воздухе шахты, жесты отца становились спокойными, и он не спеша принимался рассказывать о событиях, которые произошли на работе.

— Гринго[1] объявили утром, что снимут конвейер...

— Как же они его снимут, Педро? Ведь тогда нельзя будет вывозить руду!

— Нет, Мария! Вы еще не слыхали о новом оборудовании, которое привезли сюда гринго. Теперь они будут подавать руду из забоев прямо в вагоны пятого горизонта с помощью нового гигантского конвейера. Рудоспуски им теперь не нужны.

Я ни разу не слышал, чтобы они говорили друг другу «ты». Теперь, много лет спустя, когда я уже обладаю достаточным знанием жизни и достаточным запасом впечатлений, чтобы правильно оценивать незаметные, но значительные мелочи в поведении людей, я понимаю, что в их обращении друг с другом была какая-то особенная теплота. Но в их отношениях не было ничего показного или преувеличенного.

В моем присутствии они не позволяли себе никаких нежностей и ни единым словом или жестом не переходили ту невидимую грань, которую сами установили в своем поведении. Помню, как отец своей большой рукой ласково проводил по моим взъерошенным волосам.

— Ну, маленький шахтер, как занятия в школе? — спрашивал он.— Учись, учись, дружок, как следует, чтобы шахта тебя не сожрала, как твоего отца.

Много времени прошло, пока я смог наконец понять, что означали эти слова: «Шахта сожрала». Разве могла шахта съесть этого крепкого, широкоплечего человека с сильными руками, похожими на палицы? Когда он разговаривал со мной, я чувствовал себя крохотным и ничтожным. Мне нравилось, когда он теребил мои непокорные волосы своими сильными руками, я чувствовал, что он полон настоящей мощи, и мне казалось, будто через мои волосы, торчавшие черными иголочками, в меня проникала его сила. В разговорах с посторонними о домашних делах отец никогда не называл мать иначе чем «жена», а меня — «сын».

— Я уже решил, что сломал себе позвоночник. Так и сказал жене. Но жена лучше меня разбирается в этих вещах. «Нет, Педро,— говорит она мне,— это не перелом, вот увидите». Все-таки я уже был к этому готов. Вот только сына жалел, остался бы он неучем.

Он говорил о происшествии, которое случилось с ним, когда он еще работал крепильщиком. В недавно открытой наклонной шахте на него упала деревянная балка. Его отвезли в больницу, хотели применить анастезию или хотя бы болеутоляющие средства.

— Не нужно,— сказал он.— Дайте рюмку водки, и я буду лежать тихонько.

Весть о том, что гринго хотят ввести новое оборудование, разнеслась по всему поселку. Принесли ее мужчины первой смены, от них это узнали жены и тут же у мусорной ямы принялись обсуждать новость.

Начальник станции дон Клодомиро, выписывая багажные квитанции пассажирам, спешащим на поезд, украшал это известие новыми подробностями, и в его устах оно казалось столь же правдивым, как будто рассказывал его сам главный управляющий компанией.

— Говорят, что рудоспусков больше не будет ни на одном горизонте. Восемьсот шахтеров останутся без работы. Не будет рудоспусков — не будет и вагонеток. Откатчиков уволят наверняка.

— Что вы, дон Клодомиро! Откуда вы знаете?

— Был тут недавно один «мистер», он мне рассказал...

— Ай-яй-яй, как это ужасно!

В магазине Пасалакуа люди, покупавшие свой ежедневный рацион продуктов, волнуясь, говорили о том же:

— Кило сахару и пакет вермишели...

— И это все?

— А зачем влезать в долги? На той неделе начнут увольнять...

— Еще неизвестно...

— Неизвестно? Да вы лучше нас знаете, что будет с откатчиками.

— Нас тоже увольняют. Опять придется идти в Ранкагуа и обивать пороги...

Сьюэлл, огромный поселок, прилепившийся к горам, занесенный снегом, кроме постоянных трагедий, разыгрывавшихся в шахте, жил теперь новостями о предстоящих увольнениях. Его обитатели привыкли к монотонному ритму жизни, оживляемому только американскими фильмами, которые показывали в определенные дни недели. Из этого сонного состояния людей выводило известие о смерти одного из рабочих, напоминавшее им, что несчастье стережет каждого и всегда бродит где-то рядом по скалам; или слухи о новых увольнениях напоминали, что жизнь не ограничивается только Сьюэллом.

Рабочие сознавали всю серьезность момента: на дверях помещения профсоюза тотчас появились знакомые плакаты: «Сегодня в 7 часов вечера состоится внеочередное собрание. На повестке дня обсуждение чрезвычайно важных вопросов».

Тот вечер, когда состоялось собрание, посвященное вопросу о положении откатчиков и люковых, я всегда вспоминаю как веху, ознаменовавшую начало моих тревог и борьбы за собственное будущее.

Стоял июнь, снег уже начал заносить холмы и крыши шахтерских домов. Уже много дней небо над поселком хмурилось, и поэтому ночь незаметно подкрадывалась по извилистым горным дорогам. Временами начинался снегопад, который длился дня по два, после чего дома и крутые, как лестницы, переулки оказывались совершенно погребенными под снегом; потом вдруг показывалось солнце, и яркие лучи слепили глаза. Ребятишки пользовались хорошей погодой, чтобы играть в снежки, а отряды санитарной охраны занимались расчисткой дорог. Хорошо было в такой денек кататься на листах кровельного железа, валявшегося около мастерских. Мы тащили эти самодельные санки на гору до того места, откуда обычно съезжали

[1] Презрительная кличка североамериканцев.

Тяжелый груз раздутых бюджетов и гонки вооружений лежит на плечах трудящихся многих стран, в том числе и моей страны. Пусть в наступающем году миролюбивые народы сбросят с себя этот отвратительный мешок.

Фрэд ЭЛЛИС
Нью-Йорк.

на коньках, и, выбрав склон покруче, мчались вниз с шумом, смехом и криками, пока не врезались головой прямо в снег, к великому удовольствию взрослых, наблюдавших из окон за нашей веселой возней.

В шесть часов вечера, когда поселок уже погрузился в темноту, в наш дом пришел Маурисио Корралес с двумя другими мужчинами, которых я никогда раньше не видал. Они почтительно поздоровались с моим отцом и крепко пожали руку матери: с нею они встречались время от времени.

— Садитесь,— приветливо пригласил отец.— К сожалению, не могу предложить ничего, кроме чашки чаю...

— В такой холод не мешало бы глоточек чего-нибудь покрепче,— засмеялся Маурисио Корралес, потирая руки.— Весь вечер ходим по домам и уговариваем народ придти на собрание. Мороз пробрал до костей.

— Жаль,— сказала мать,— что последнюю бутылку писко [1], которую нам удалось достать, вы сами выпили. А карабинеры теперь стали очень строгие. Одеколона, и то не пронесешь...

Мать налила воды в чайник, разожгла огонь и насыпала свежей заварки. Гости и отец заняли почти все пространство нашей кухни-столовой.

Квартиры нашего дома, дома № 501, предназначенного для семейных рабочих, как и все квартиры в поселке, состояли из двух комнат: одна служила кухней и столовой, в нее входили прямо из коридора; другая была спальней; мать с удивительным умением расставила свою кровать и мою кроватку так, что в спальне оставались пространство для передвижения и место для полок с одеждой и рабочими инструментами. В углу, любовно завернутый в широкую простыню, защищавшую его от пыли, в ожидании отпуска или какой-нибудь непредвиденной поездки висел черный воскресный костюм отца — брюки, пиджак и жилетка с бесчисленными петлями, между которыми гордо вилась золотая цепочка от часов, украшенная двумя причудливыми брелоками,— дедовское наследство, как говорил отец. Сверху в бумажном пакете висела неразлучная спутница костюма — плюшевая шляпа в мирном соседстве с красным кушаком, который мой отец для пущей важности надевал поверх кожаного пояса.

— Значит, у вас сегодня собрание?

— Да, Педро,— сказал Маурисио.— Нам надо поговорить о той опасности, которую несет новая система эксплуатации. Профсоюз должен мобилизовать свои силы и дать отпор.

Мать подала чай и кеке [2], изготовленный ею самой и нарезанный толстыми ломтями.

[1] Чилийская водка.
[2] Сдобная булка.

— Я думаю, что ты поможешь нам, Педро. Ты и не представляешь себе, как нам сейчас нужна твоя помощь.

Отец пил чай медленно, прихлебывая его с шумом, который был мне так хорошо знаком и очень мне нравился. Он провел рукой по усам справа налево и только потом ответил:

— Знаешь, Маурисио, не говори со мной про твой профсоюз. Сколько раз я тебе говорил, что и слышать о нем не хочу! Я в силах работать своими собственными руками. И свои права я в силах отстаивать сам, как мужчина. Нет, Маурисио, на меня ты не рассчитывай...

Оба положили локти на стол, как будто готовились к долгому спору. Так всегда бывало, когда Корралес появлялся у нас. Они были старыми друзьями. Они вместе пришли на рудник из деревушки Кинта де Тилькоко, в провинции О'Хиггинс. Отец сразу начал работать на шахте подсобным рабочим, а Корралес поступил в механические мастерские. Он стал токарем, овладел в совершенстве станком и считался одним из лучших работников. Он мог бы получать большие деньги, но начальство, зная его преданность профсоюзной организации, платило ему одними обещаниями.

— Ну и пускай,— говорил Корралес.— Они хотят, чтобы я шагу от станка не делал. Но зато мое сознание развивается гигантскими шагами.

Он был страстным любителем книг и приводил всех в изумление своими обширными познаниями. Иногда мы с ним встречались на лестнице и здоровались, как равные.

— Как дела, Педро второй? Как-нибудь зайду побеседовать с тобой о многих вещах.

Эти беседы сводились к воспоминаниям о детстве Корралеса, проведенном в деревне; свои рассказы он оснащал образными выражениями и удивительными словечками, которыми старался рассмешить нас, но под конец он становился серьезным, почти печальным и в его черных глазах светилась тоска.

— Я начал работать с десяти лет. Жизнь крестьян тоже очень тяжелая. У них, правда, есть солнце и чистый воздух, не то, что здесь, где так сыро и люди все время дышат ядовитыми испарениями, но эксплуатируют крестьян до предела, а платят им гроши. Мы, шахтеры, должны помочь крестьянам. Может быть, когда-нибудь...

Его глаза снова загорались быстрыми огоньками. Он рассказывал о том времени, когда работал на селитровых копях, где познакомился с Луисом Эмилио Рекабарреном [3]. Перед слушателями вставала потрясающая эпопея борьбы рабочих Севера, и образы этой эпопеи казались живыми.

[3] Основатель Коммунистической партии Чили.

Часы шли, а он все рассказывал и рассказывал. Иногда ночью я засыпал у него на руках, усыпленный потоком людей и событий, о которых он рассказывал.

— Малыш уже заснул,— говорил он и вставал, чтобы отнести меня в кровать.

— Нет, нет! Расскажите еще что-нибудь, дон Маурисио!

Отец смеялся и разрешал. Мы сидели еще немного. Мое сонное воображение мучительно боролось с фантастическими образами. Засыпая, я то взмывал вверх, то проваливался в бездну.

На этот раз Маурисио Корралес решительно заявил моему отцу:

— Мы с тобой были всю жизнь друзьями, Педро, поэтому я и обращаюсь к тебе. Нет на шахте человека, который не уважал бы тебя. Правда, ты никогда не имел дела с профсоюзом, но и перед гринго ты никогда не отступал. Все шахтеры в глубине души восхищаются тобой и считают тебя человеком и мужчиной в полном смысле слова. Если ты не хочешь работать в нашей организации, что же, я уважаю твою точку зрения, но пойми: сейчас другое положение, и я прошу тебя как старого друга...

С меня сразу соскочил весь сон. Слова Маурисио кололи мое сердце, как снежные иголки, и проникали прямо в кровь. Положение было ясное. Профсоюз образовался совсем недавно, далеко не все рабочие вступили в него; мало того, многие из них поддались на удочку начальников, стремившихся расколоть организацию.

— Для защиты от увольнений поодиночке у нас есть только одно средство — единство. Только единство. Особенно это важно на шахте. Если перестанет работать вся шахта, то мы спасены и выиграем борьбу. Пускай при этом работают обе дробилки и даже литейный цех. Все, что наверху, на земле. Только не шахта. Поэтому твое присутствие сегодня вечером на профсоюзном собрании так необходимо...

Отец слушал и катал хлебные шарики своими большими, сильными пальцами. Вдруг он протянул руку и дернул меня за нижнюю губу: я слушал Корралеса, раскрыв рот от изумления. Все засмеялись.

— Что, маленький шахтер, ты доволен?

Оба спутника Маурисио повторяли отцу те же доводы. Для них было очень важно, чтобы отец примкнул к ним: это помогло бы объединить всех шахтеров для борьбы против мероприятий, замышляемых компанией.

Я страстно хотел, чтобы отец согласился на их просьбу. Мне всегда хотелось узнать, что происходит в помещении профсоюза. Както вечером во время собрания я долго слонялся поблизости, прислушиваясь к долетавшим до меня обрывкам фраз из речей выступавших. Мои школьные товарищи рассказывали, что во время собраний возникали ожесточенные споры; некоторые из споривших готовы были доказывать свою правоту кулаками, пока спокойный голос Маурисио Корралеса не призывал их к порядку и тишине.

Беседа длилась уже целый час, когда отец встал, потянулся, разминая затекшие плечи, и, как всегда, провел своей широкой ладонью по моим взъерошенным волосам. Все чувствовали, что сейчас он скажет свое окончательное слово. У меня болезненно замерло сердце при мысли, что он откажется.

Хотя я и был еще очень мал, однако я уже понимал, что мой отец обладает несокрушимой волей. И вот, как будто в эту ночь меня ожидал сюрприз за сюрпризом, отец спросил меня:

— Ну, а как бы ты поступил, маленький шахтер?

Я пытался привести в порядок свои мысли, чтобы высказать их подходящими словами. Я умоляюще протянул к нему руки и одним дыханием выпалил:

— Если ты позволишь, я пойду с тобой!

— Хорошо. Пойдем вместе,— сказал отец.

Наши сердца радостно забились. Маурисио Корралес и его товарищи готовы были расцеловать меня. На улице все уже было покрыто снегом.

Я рассказываю о том периоде моей жизни, который давно отошел в прошлое, поэтому отдельные подробности не сохранились в моей памяти. Кроме того, это первое профсоюзное собрание в моей жизни было таким волнующим, что, несмотря на желание установить последовательность событий, я не в состоянии сделать это даже приблизительно. Помещение, битком набитое рабочими, гудело, как улей. Мы с отцом сели в центре. Первым говорил председатель Обдулио Контулиано, который в общих чертах объяснил положение:

— Товарищи, компания хочет пойти на провокацию...

Он рассказал о люковых и откатчиках. Выступали многие. Все начинали со слов: «Товарищи! Я считаю, что нужно объявить этим гринго забастовку...»

— Товарищи, товарищи...

Это слово жужжало в воздухе, как шмель.

— Разрешите мне, товарищ председатель.

Все взоры устремились на Маурисио Корралеса. Он заговорил, как всегда, спокойно, излагая свои мысли просто и ясно.

В этой обстановке нужнее всего были спокойствие и убежденность. Корралес рассказал, что новая техника на шахте означает безработицу, нищету и голод для сотен и сотен чилийских рабочих, а чилийская медь — национальное достояние — будет попрежнему плыть в руки североамериканских монополистов.

— Мы должны объявить всеобщую забастовку,— предложил он в конце своей речи,— чтобы компания знала, что мы едины. А если мы не в силах сделать так, чтобы жизнь на шахте замерла полностью, то уж лучше давайте сразу сдадимся на милость гринго.

По залу прокатился рокот одобрения.

— Я присоединяюсь к забастовке, если бастовать будут все! — крикнул чей-то голос.

Я заметил, что люди поглядывали на моего отца. Сначала один взглянул на него, потом второй, третий, и вскоре уже половина собравшихся испытующе смотрела на него. Не попросив слова, он встал во весь рост, лицом к сцене, где заседал президиум. Все умолкли. Я глядел на него снизу вверх. Мое сердце почти перестало биться, замирая каждую секунду. Я видел, как он сощурил свои светлые глаза, видел его пышные усы, аккуратный пробор в волосах. В комнате было жарко; он снял свой плащ и теперь казался еще выше и сильнее в своем расстегнутом жилете, надетом поверх рабочей блузы из грубой материи. Шляпу он держал перед собой, на уровне груди, обеими руками.

— Папочка! — невольно вырвалось у меня.

Он услышал. Оставив шляпу в одной руке, другую он положил на мои непокорные вихры. Потом перевел глаза на президиум.

— Я с вами. Сделаю все, что потребуете...

И это было все, но как много это значило для меня и для Маурисио Корралеса, показавшегося мне в этот вечер помолодевшим, может быть, от той большой радости, которую ему доставил отец! Тотчас же была выбрана делегация, чтобы вручить требования рабочих управляющему компанией: зная о собрании, он ждал в конторе.

Мы пили дома кофе, приготовленный к нашему приходу матерью, когда пришло известие о том, что профсоюз добился полной победы: дирекция ввиду решительного протеста рабочих решила отложить введение нового оборудования до более благоприятного случая.

— Знаешь, папочка, я давно хотел спросить у тебя одну вещь,— прервал я разговор взрослых.

— Какую?

— Что такое «товарищ»?

Он отставил стул, открыл дверь в спальню и протиснулся в нее наполовину. Из темноты послышался его голос:

— Тебе пора спать.

Потом он вернулся, подошел ко мне, протянул мне руку, и мои маленькие пальцы утонули в ней.

— Спокойной ночи, товарищ!

И он улыбнулся.

Я понял его, и мне показалось, будто мы с ним вместе только что вступили на дорогу жизни.

Перевел с испанского Г. ТУРОВЕР.

Мой отчет

Весной 1955 года я работал над серией иллюстраций к чехословацкому изданию книги Джейн Уолш «Так не должно быть» (книга эта опубликована в Советском Союзе). Автобиография простой английской женщины, жены рабочего из Ланкашира, напомнила мне мою юность: я ведь тоже жил там, не раз видел демонстрации рабочих против угрозы фашизма, и все это я словно пережил вновь.

Летом лондонское отделение тред-юниона мебельщиков просило меня сделать рисунки о жизни союза. Я выполнил коллективный портрет четырех старейших мебельщиков, работающих с двенадцатилетнего возраста. Рисунок этот я посылаю вам.

В августе — поездка в Манчестер, где открылась выставка «Глядя на народ». Коллекцией своих рисунков, выставленных там, я хотел как бы отчитаться за годы своих путешествий по Испании, Италии, Греции. Побывал я и в Советском Союзе, Польше, Китае. Я и мои друзья-художники считали, что такой показ поможет взаимопониманию людей, желающих мира, тем более, что выставка проходила в дни, когда Женева пробудила новые надежды народов.

Октябрь... Мы с женой приглашены в Румынскую Народную Республику. Впервые я увидел этот прекрасный, гостеприимный народ, целиком погруженный в созидательную работу. Я увез оттуда серию дорогих мне рисунков.

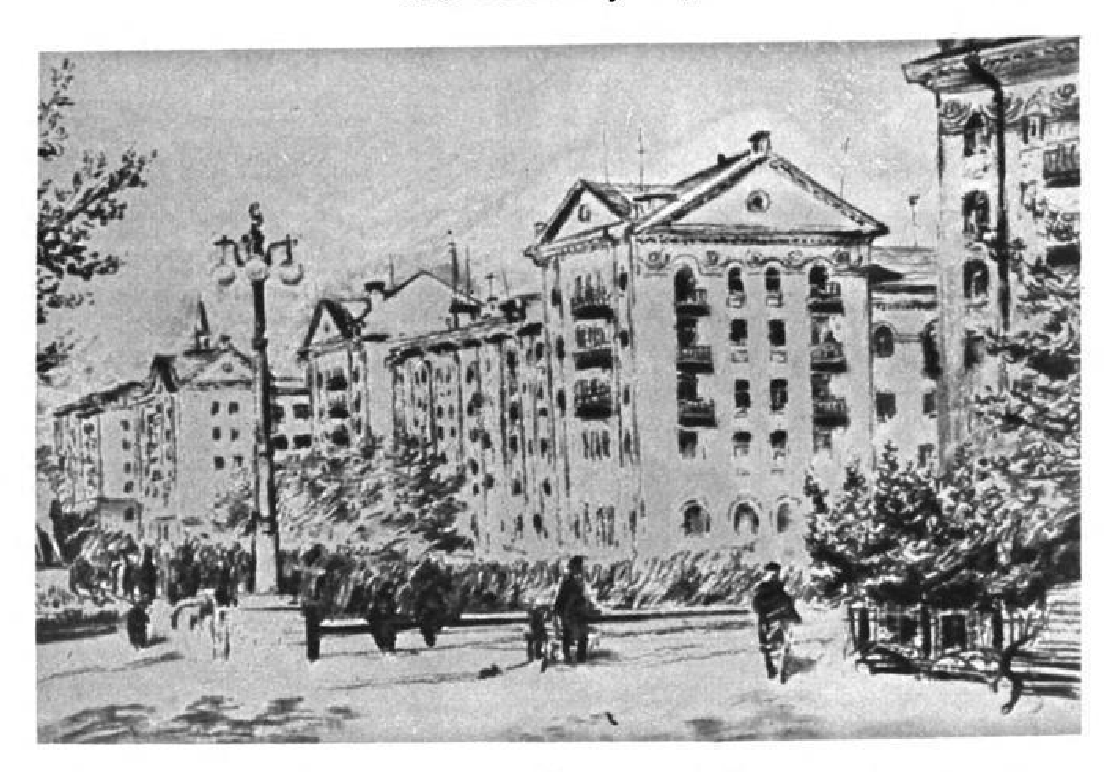

Год закончился для меня в Лондоне выставкой моих акварелей и рисунков, отражающих поездку по новому Китаю. Радуюсь, что помог моим соотечественникам почувствовать величие освобожденного китайского народа, строящего новую жизнь.

Поль ХОГАРТ

Лондон.

На новой улице

В этом году я много ездил по родному Уралу, писал пейзажи Камы, прибрежных городов, побывал на строительстве гидростанции. В Молотове я сделал серию рисунков города, раскинувшегося над крутым берегом широкой реки. Здесь теперь рядом со старинными домами кварталы новых, светлых многоэтажных построек. Совершенно новый район вырос вокруг одного из заводов. Посредине прямой, широкой улицы разбит бульвар, построен прекрасный Дворец культуры. Кварталы этого района правильно и удобно распланированы; здесь есть магазины, кинотеатры, мастерские — все, необходимое жителям.

Когда я работал над рисунками на улицах, рядом не раз останавливались люди, и я слышал, как они говорили: «Посмотри, как красив наш город, а мы привыкли к нему и не замечаем его красоты».

Верное это замечание!..

В. КАМЕНСКИЙ

Молотов.

Премии журнала «Огонек»

С. Маршак. А. Твардовский.

О. Гончар. Н. Грибачев. Ю. Лаптев.

К. Паустовский. В. Устинова. Я. Милецкий.

Г. Радов. Д. Храбровицкий. О. Верейский.

Б. Кузьмин. А. Новиков. И. Тункель.

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила ежегодными премиями лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1955 года. Премированы авторы:

С. Маршак («Из английской поэзии», № 38, «Новые переводы из Роберта Бернса», № 42); А. Твардовский (стихи «Из лирики», № 43); О. Гончар (рассказ «Усман и Марта», № 19); Н. Грибачев (рассказ «Августовские звезды», № 11); Ю. Лаптев (рассказ «Балашн», № 28); К. Паустовский (рассказ «Ночной дилижанс», № 13); В. Устинова (рассказ «Мокрый снег», № 37); Я. Милецкий (репортажи «Одиннадцать нотариусов», № 36, «Полосатые мешки», № 41, «Два депутата Московского Совета», № 49); Г. Радов (очерк «Запев», № 45); Д. Храбровицкий (очерк «Штурм звукового барьера», № 27); О. Верейский (серия рисунков «Из чехословацкого альбома», №№ 30, 31, 32, 33); Б. Кузьмин (цветное фото «Подружки», № 31); А. Новиков (фоторепортаж из Женевы, №№ 30 и 31); И. Тункель (цветное фото «В совхозе «Урожайный», № 26, «Крестьянская девушка», № 48, фотографии «Нефть Татарии», № 11).

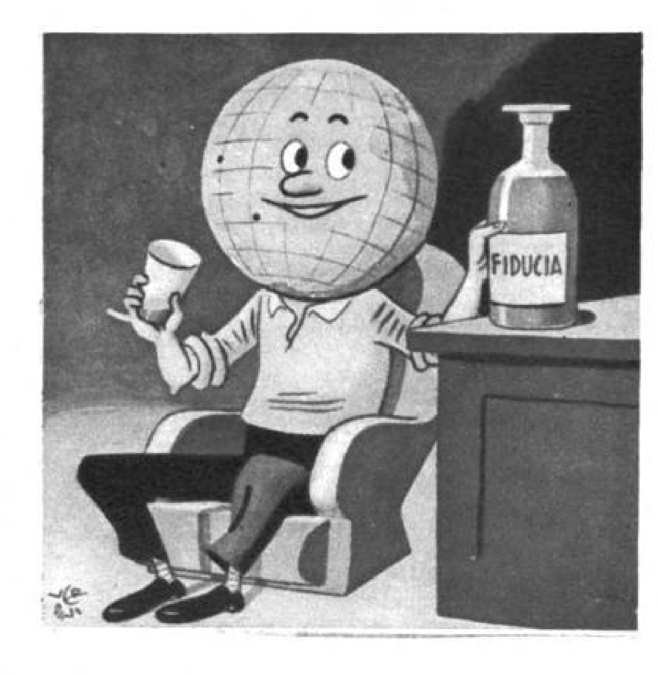
Этот рисунок изображает работниц Франции. Они собрались для обсуждения вопросов женского труда на предприятиях. Дело происходит на съезде Французской всеобщей конфедерации труда, который состоялся в 1955 году.

Новогодний привет и лучшие пожелания читателям «Огонька»!

Борис ТАСЛИЦКИЙ

Париж.

За доверие!

На склянке с лекарством написано слово «Доверие». Земной шар говорит:

— Только я начал пользоваться этим лекарством — и уже чувствую себя лучше.

Рост доверия между народами и государствами, сотрудничество всех во имя мира — вот что пожелаем в Новом году!

ВЕРДИНИ

Рим.

Шахтеры

Труд и быт шахтеров мне известны с детства: я рос в Донбассе. И все же, когда в начале лета 1955 года я поехал в Донбасс, на шахту № 9 треста «Снежнянантрацит», меня буквально потрясли героизм напряженного шахтерского труда, сила и красота горняков. Среди них я видел и молодых, недавно пришедших на шахту, застенчивых и волнующихся, и ветеранов, работающих спокойно, уверенно, и девушек, подобных цветкам, которыми они украшают шахтерские каски.

Для художника Донбасс и его люди — неиссякаемый источник творчества. И я рад, что встречу Новый год опять на шахте, где я хочу создать новые картины о шахтерах.

Эту сцену я писал рано утром прямо на месте, в момент спуска рабочих в шахту.

В. ЗАРЕЦКИЙ

Киев.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

С. МАРШАК

ЭПИГРАММЫ И ЭПИТАФИИ

Рисунки В. Высоцкого.

I. ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

ДЖОНСОНУ

Мошенники, ханжи и сумасброды,
Свободу невзлюбив, шипят со всех сторон,
Но если гений стал врагом свободы,
Самоубийца он.

О ПАМЯТНИКЕ, ВОЗДВИГНУТОМ БЕРНСОМ НА МОГИЛЕ ПОЭТА РОБЕРТА ФЕРГЮССОНА

Ни урны, ни торжественного слова,
Ни статуи в его ограде нет.
Лишь голый камень говорит сурово:
— Шотландия! Под камнем — твой поэт!

ДЖЕНТЛЬМЕНУ, КОТОРЫЙ НЕ ПУСТИЛ В СВОИ ВЛАДЕНИЯ ПОЭТА И ЕГО ДРУЗЕЙ, ИНТЕРЕСОВАВШИХСЯ АРХИТЕКТУРОЙ

Пред нами дверь в свои палаты
Закрыли вы, милорд.
Но мы — не малые ребята,
А ваш дворец — не торт!

ЗНАКОМОМУ, КОТОРЫЙ ОТВЕРНУЛСЯ ПРИ ВСТРЕЧЕ С ПОЭТОМ

Чего ты краснеешь, встречаясь со мной!
Я знаю: ты глуп и рогат.
Но в этих достоинствах кто-то иной,
А вовсе не ты виноват!

ЛОРДУ ГАЛЛОУЭЙ

Тебе дворец не ко двору.
Попробуй отыскать
Глухую, грязную нору —
Душе твоей подстать!

МИСС ДЖИННИ СКОТТ

О, будь у скóттов[1] каждый клан
Таким, как Джинни Скотт,
Мы покорили б англичан,
А не наоборот.

[1] Скóтты — шотландцы.

ЭПИТАФИЯ САМОУБИЙЦЕ

Себя, как плевел, вырвал тот,
Кого посеял дьявол.
Самоубийством от хлопот
Он господа избавил.

АКТРИСЕ МИСС ФОНТЕНЕЛЛЬ

Эльф, живущий на свободе,
Образ дикой красоты,
Не тебе хвала — природе!
Лишь себя играешь ты!

Позабудь живые чувства
И природу приневоль,
Лги, фальшивь, терзай искусство —
Вот тогда сыграешь роль!

ЭПИТАФИЯ ВЛАДЕЛЬЦУ УСАДЬБЫ

Джемс Грив Богхед
Был мой сосед,
И, если в рай пошел он,
Хочу я в ад,
Коль райский сад
Таких соседей полон.

К ПОРТРЕТУ ИЗВЕСТНОЙ МИСС БЕРНС

Полно вам шипеть, как змеи!
Всех затмит она собой.
Был один грешок за нею.
Меньше ль было у любой!

ОТВЕТ НА УГРОЗУ ЗЛОНАМЕРЕННОГО КРИТИКА

Немало льву вражда ударов нанесла,
Но сохрани нас бог от ярости осла!

ЭПИТАФИЯ ШУМНОМУ ПОЛЕМИСТУ

Ушел ли ты на небеса
Иль в ад, где воют черти,—
Такого бешеного пса
Не знали в царстве смерти!

КАПИТАНУ РИДДЕЛЮ ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ ГАЗЕТЫ

Газетные строчки
Прочел я до точки,
Но в них, к сожалению, мало
Известий столичных,
Вестей заграничных.
И крупных разбоев не стало.

Газетная братья
Имеет понятье,
Что значат известка и глина,
Но в том, что сложнее —
Ручаться я смею —
Она, как младенец, невинна.

И это перо
Не слишком остро.
Боюсь, что оно не ответит
На все бесконечное ваше добро...
Ах, если б у солнца мне вырвать перо—
Такое, что греет и светит!

НЕТЛЕННЫЙ КАПИТАН

Пред тем, как предать капитана могиле,
Друзья бальзамировать тело решили.
— Нет, — молвил прохожий, — он был ядовит.
Его без бальзама червяк пощадит.

КРАСАВИЦЕ, ПРОПОВЕДУЮЩЕЙ СВОБОДУ И РАВЕНСТВО

Ты восклицаешь: «Равенство! Свобода!»
Но, девушка, слова твои — обман.
Ты ввергла в рабство множество народа
И властвуешь бездушно, как тиран.

О ЗОЛОТОМ КОЛЬЦЕ

— Зачем надевают кольцо золотое
На палец, когда обручаются двое! —
Меня любопытная леди спросила.

Не став пред вопросом втупик,
Мгновенно ответил я барышне милой:
— Владеет любовь электрической силой,
А золото — проводник!

II. ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ПОЭТОВ

О РЕПУТАЦИЯХ

Ты говоришь, что я беспутная особа.
Я говорю, что ты порядочен вполне...
Но, видно, попусту стараемся мы оба:
Никто не верит ни тебе, ни мне!

О ГРАМОТНОСТИ

У старого Отто три юные дочки.
Они написать не умели ни строчки.
Отец не решался купить им тетрадь,
Чтоб писем любовных не стали писать.
Но младшая деда поздравила с внучкой:
Писать научилась она самоучкой.

Тигр — это не кошка

Бор. СЕМЕНОВ

Снимки операторов Центральной студии телевидения
Д. ЗАЙЦЕВА, В. КИРАКОСОВА и Ю. ФЕДОРОВА.

Улыбнувшись каждому и всем, всем сразу, диктор говорит:

— Доброй ночи, товарищи!

Гаснут экраны телевизоров. Вечерняя передача окончилась...

Вы не успели еще закончить свой ужин, а студия, из которой только что велась передача, уже превратилась в темные переходы Эльсинорского замка — там встречаются Гамлет и Офелия — или в околицу села, где действуют герои «Трембиты», в мастерскую известного художника или в концертную эстраду. Телестудия стала кинопавильоном. Идет очередная съемка для телевизионного журнала «Искусство».

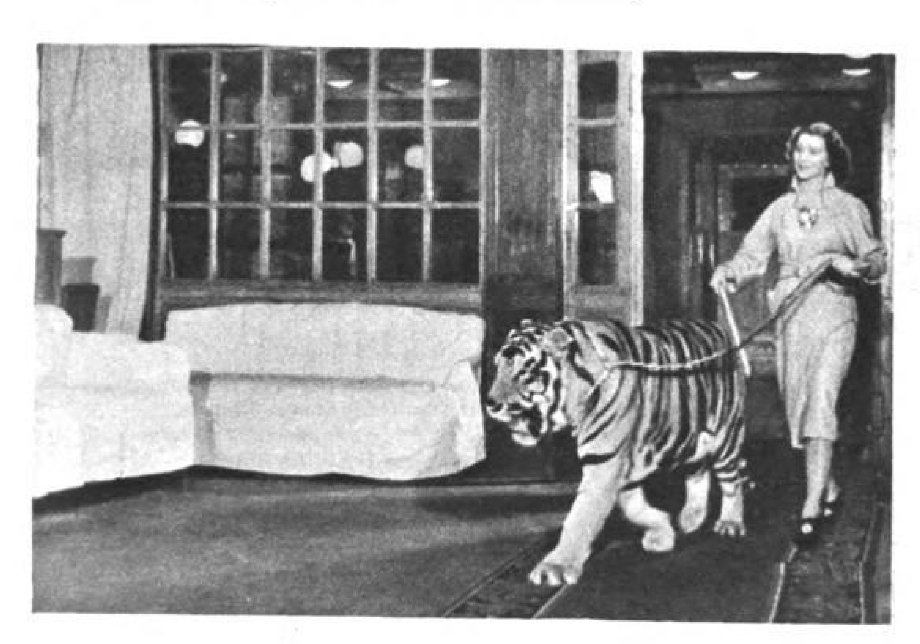
В эту ночь съемочным павильоном стала не только студия. Мощные прожекторы, кинокамеры на экране, на тележках и просто на штативах установлены и в вестибюле, и в буфете, и в редакционных кабинетах. Ждут необычного актера... Его везут на грузовике, в огромном ящике с зарешеченным окошком. На Калужской площади пассажир начинает шуметь, и машину останавливает милиционер.

— Товарищ водитель! Разве не знаете, что после двенадцати ночи звуковые сигналы в Москве запрещены?

Шофер пытается что-то сказать в оправдание. Но в эту секунду обитатель ящика просовывает голову сквозь решетку и грозно «сообщает», что ему холодно и он недоволен остановкой. Милиционер мгновенно отступает на несколько шагов и, не сводя глаз с пассажира, козыряет:

— Можете следовать!

У студии телевидения машина останавливается.

Маргарита Назарова — самая молодая в стране дрессировщица хищных зверей — открывает стенку ящика. Берет на поводок своего любимца — тигра Пурша и входит с ним в вестибюль здания.

Ассистенты Маргариты Назаровой находятся возле камеры. Так обеспечивается безопасность работы режиссера и оператора. Правда, оператор Дмитрий Зайцев утверждает, что ему совсем не страшно. Но утром, когда пленка проявлена, оказывается: некоторые кадры сняты не в фокусе. Почему бы это?.. Впрочем, тигр — это не кошка.

Несколько лет назад тигра научили обращаться с телефоном. Увидев аппарат, он немедленно решил им воспользоваться.

— Бюро пропусков? Ну, если вы существуете, хотя непонятно для чего, приготовьте пропуск нашему учителю Борису Афанасьевичу Эдеру.

В редакции тележурнала «Искусство» Пурш позволил себе похозяйничать. Он вскочил на стол ответственного редактора, резким рывком сорвал со стены афишу с репертуаром московских театров.

Трудно сказать, как отнесся бы Пурш к сценариям кинокомедий, находящимся в шкафу, но они защищены толстым стеклом.

Павильон студии — помещение высотой более семи метров. Осветители справедливо решили, что отсюда наблюдать всего «удобнее».

После съемки было решено угостить Пурша. Для него приготовили «легкий» ужин. Долго спорили, кто же возьмет на себя роль гостеприимного хозяина. С исключительной вежливостью каждый уступал это право другому. Нас выручила Маргарита Назарова.

У МАРГАРИТЫ НАЗАРОВОЙ.

– Не стесняйтесь, дорогие гости, проходите к столу!..

Рисунок Н. Лисогорского.

Таинственное письмо

Повесть

Борис ЛАСКИН

Рисунки К. РОТОВА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Шифр

Накануне Нового года, в 11 часов 15 минут утра, жильцы квартиры № 7 дома № 96 по улице Короленко были встревожены неожиданным исчезновением Михаила Антоновича Бокалова, молодого человека двадцати двух лет, холостого, занимавшего одну из комнат в указанной квартире.

Войдя в комнату Бокалова, соседи обнаружили там явные следы беспорядка: неубранную постель, недопитый стакан чая, разбросанную пачку фотографий, среди которых обращали на себя внимание две крупно напечатанные. На первой был изображен цех молочного завода, на второй — свернувшийся в кольцо удав. На столе валялся листок бумаги, густо исписанный цифрами.

Рассматривая странную комбинацию цифр, сосед Бокалова по квартире, инженер Никодимов, неожиданно воскликнул:

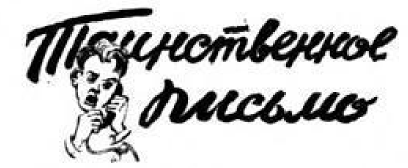
— У кого есть телефонный реестр, давайте его сюда! Элементарный шифр! Каждая цифра соответствует порядковому номеру буквы в алфавите.

Спустя пять минут Никодимов начал вслух расшифровывать текст письма. Первая же произнесенная им фраза заставила присутствующих насторожиться и одновременно с уважением посмотреть на инженера Никодимова.

— Немедленно идите в парикмахерскую по адресу...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Таинственное письмо

Представьте себе молодого человека невысокого роста, с живыми карими глазами, человека оперативного и смелого, и вы увидите перед собой фотокорреспондента одного из столичных журналов Михаила Бокалова. К числу особенностей его характера можно еще добавить неуемную страсть к приключениям, к разным книгам и фильмам, полным интриги и затейливой игры ума.

Обнаружив в ящике для писем загадочное послание, Бокалов без особого труда прочитал его. Никодимов был прав: шифр оказался элементарным. Текст письма гласил: «Немедленно идите в парикмахерскую по адресу: Петровка, 8, сядьте в первое кресло от окна. Мастера зовут Валей. Скажите, что вы от «блондина». Дальнейшие указания получите от Вали».

Нет нужды объяснять, почему Бокалов не убрал постель и не допил чая: автор письма рекомендовал действовать немедленно. Бокалов позвонил своему приятелю, художнику Семену Ванину. Разговор был телеграфно краток:

— Семен, привет! Это я, Миша. Через полчаса жду тебя в парикмахерской — Петровка, 8. Садись на машину и выезжай.

— Что случилось?

— Не задавай вопросов.

Бросив трубку на рычаг, Бокалов мгновенно оделся и вышел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Валя дает указания

В парикмахерской на Петровке, 8, царило большое оживление. Москвичи и москвички прихорашивались к празднику. Бойко щебетали ножницы. Учащенно дышали пульверизаторы, распространяя запах левкоя и сирени. Электрические машинки для стрижки волос с угрожающим ревом гуляли по затылкам клиентов. Шеренга еще небритых мужчин великодушно уступила очередь застенчивому юнцу, которому предстояло свершить в этот день первое в своей жизни волнительное таинство бритья.

Бокалов с Ваниным ожидали своей очереди в мужской зал. У первого от окна кресла работала девушка. Пожилой клиент, изучив в зеркале свое отражение, взглянул на мастера.

— По-моему, все в полном порядке.

— Может, желаете немножко волосы подкрасить? Седину убрать?

— Зачем? Не надо приукрашивать действительность. Об этом даже в рецензиях пишут.

Через полчаса Бокалов сидел в первом кресле от окна.

— Побрейте меня, пожалуйста,— сказал он и тихо добавил: — Валя...

Взглянув на девушку, Бокалов мысленно отметил, что она ничуть не удивилась тому, что он назвал ее по имени. Когда бритье было закончено, Бокалов тихо произнес:

— Я к вам от «блондина».

В ту же секунду в лицо ему брызнула обжигающая пыль тройного одеколона. Зажмурившись, Бокалов услышал торопливый шепот девушки:

— Запомните адрес: Садовая, 40, квартира 35. Сейчас же поезжайте туда и сделайте все, что вам скажут. С вас три двадцать, гражданин. В кассу, пожалуйста.

Последнюю фразу девушка произнесла громко и пригласила очередного клиента:

— Следующий!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В доме на Садовой

Синий «Москвич» остановился у высокого дома. Из машины вышли двое: это были Бокалов и Ванин. На площадке шестого этажа Бокалов нажал кнопку звонка. Послышались шаги, дверь распахнулась. На пороге стоял старик, гладко выбритый, одетый по-домашнему.

— Прошу.

Видно было, что Бокалова здесь ждали.

— Вы должны были придти один,— глухо сказал старик и с подозрением покосился на Ванина.

— Это мой друг,— начал было Бокалов, но старик перебил его:

— Тише! Стены имеют уши. Раздевайтесь и идите за мной.

Миновав прихожую, они прошли в просторную комнату новой квартиры. В самом центре под люстрой стояла елка. Двое ребят вешали на ее мохнатые лапы пестрые елочные игрушки.

— Дети должны к вам привыкнуть,— негромко сказал старик, и глаза его сверкнули,— помогите им украсить елку.

— Семен, ты художник, тебе, как говорится, и карты в руки,— вынужденно улыбнулся Бокалов.

— Здравствуйте, ребята! — неестественно бодрым голосом произнес Ванин.— Давайте вместе украшать елку.

— Ждите,— старик указал Бокалову на стул,— я сейчас вернусь.

Как только старик вышел, Бокалов профессиональным жестом извлек из футляра фотоаппарат и быстро снял обстановку комнаты и Ванина с ребятами, занятых украшением елки.

Вскоре старик вернулся.

— Дети,— строго сказал он,— ступайте на кухню, выпейте молока.

С явной неохотой дети прервали свое увлекательное занятие и вышли.

— Могу ли я на вас надеяться? — после короткой паузы спросил старик и, не дожидаясь ответа, вынул из кармана куртки фотографию.— Знаете ли вы этого человека?

— Нет, не знаем,— сказал Бокалов. Изображенный на фотографии человек с усами, в роговых очках был им незнаком.

— Я так и думал,— криво усмехнулся старик.— Тем лучше. Сейчас вы поедете в стол заказов Гастронома № 1 и получите заказ по этой квитанции. Пока один займется получением заказа, другой будет следить за посетителями. Если появится этот человек, покажите ему снимок. Дальнейшие инструкции вы получите здесь по возвращении. Вы все поняли?

— Да,— ответил Бокалов, пристально вглядываясь в суровое, непроницаемое лицо старика.

— Это первое поручение. Теперь второе. Всюду, где вам придется сегодня побывать, запоминайте, а еще лучше фотографируйте общий вид, жанровые сценки и тому подобное. Делай-

те это так же ловко, как вы это сделали только что здесь.— И, увидев легкую растерянность в глазах Бокалова, старик добавил: — Вы забыли закрыть футляр. Ступайте. Я буду вас ждать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Ну, Семен, что скажешь? — спросил Бокалов, когда «Москвич» мчался по Садовой.

Сидя за «баранкой», Ванин тяжко вздохнул:

— Ох, Мишка, сдается мне, что нас с тобой втянули в какую-то крупную авантюру!

— Ну и что?.. Мы ее и распутаем от начала до конца,— решительно сказал Бокалов и достал из кармана фото.— Что это за человек, кто он?

Ванин молча пожал плечами. «Москвич» подъехал к Гастроному.

В канун праздника стол заказов работал с предельным напряжением. Двери магазина не закрывались ни на минуту. На все лады заливались телефонные звонки. Множество людей входило и выходило, унося аккуратные свертки, из которых слышались звуки, похожие на голубиное воркование. Это булькало вино в бутылках.

Бокалов и Ванин сидели на кожаном диване, встречая внимательными взглядами всех входящих в магазин. Шло время. Человек, изображенный на фотографии, не появлялся.

Между тем стол заказов делал свое дело. Заведующая в белом халате говорила в телефонную трубку:

— Лидочка, не вижу торта с дрейфующей станции «Северный полюс-5». Телеграмма с заказом дошла за час, а вы там больше двух часов копаетесь. Муж на полюсе, жена дома, а торт еще в магазине. Давайте быстрее!

Положив трубку, заведующая распечатала конверт и торопливо прочитала вслух:

— Прошу доставить по указанному адресу праздничный набор. Деньги перевел. В набор прошу вложить эту мою записку: «Дорогая мама, батя, Зоя и Николай! Поздравляю с Новым годом. Желаю счастья. Горячий привет с целины. Выпейте чарочку за мое здоровье. Целую. Алексей».

Заведующая передала письмо помощнице.

— Оформляйте целину вне очереди.

Юноша в меховой куртке и сбитой на затылок ушанке склонился над столиком приемщицы.

— Значит, все, что я сказал, плюс яблоки плюс мандарины плюс бутылка шампанского. Вот адрес. Кто прислал, пусть останется тайной. В пакет вложите, пожалуйста, это четверостишие: «Уважая и любя, поздравляю я тебя. Это все тебе привез персонально дед-Мороз».

Бокалов подошел к прилавку получить заказ, а Ванин, положив на колени блокнот, набрасывал карандашный портрет юноши, все еще стоявшего у столика приемщицы.

Когда Бокалов со свертком в руках подошел к Ванину, тот находился в состоянии крайней растерянности.

— Миша,— тихо сказал он,— я ничего не понимаю. Я полез в карман за резинкой — и вот что там лежало...

Ванин протянул Бокалову игральную карту — семерку пик. На белом поле карты чернели три слова: «За вами следят».

Бокалов быстро оглянулся. На них никто не смотрел.

— В каком кармане ты это нашел?

— В кармане пальто.

— Карту подбросили, когда пальто висело на вешалке. Это ясно. И сделал это он, Смирнов.

— Какой Смирнов?

— Старик.

— Откуда ты знаешь, что он Смирнов?

— Я прочитал фамилию на квитанции заказа. Едем.— Бокалов взял Ванина под руку.— Старик от нас не уйдет!..

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кабина лифта, дрогнув, остановилась на площадке шестого этажа. В квартире номер тридцать пять было тихо. Дверь отворила высокая женщина лет пятидесяти в черном платье. Лицо ее выражало строгую надменность.

— Здравствуйте,— вежливо поклонился Бокалов.— Нам нужен гражданин Смирнов.

— Забудьте эту фамилию, молодой человек,— властно произнесла женщина в черном.— То, что вы принесли, поставьте на этот столик, вот сюда. А сейчас следуйте за мной оба.

Бокалов нерешительно взглянул на Ванина.

— Не бойтесь. Вам здесь пока ничего не угрожает,— презрительно усмехнулась женщина.

— Где старик, который давал нам задание? — спросил Бокалов.

— Его нет...— прошептала женщина и поднесла к глазам платок.— Больше того, его и не было.

— Как не было? — вырвалось у Ванина.

— Не задавайте вопросов. Видели вы человека в очках?

— Нет. Он не приходил.

— Этого нужно было ожидать,— хмуро сказала женщина и бросила взгляд на часы.— Сейчас вы поедете в Центральный Дом моделей. Там вас встретит человек в роговых очках или женщина. Ее зовут Мария Николаевна. Вы сделаете все, что она вам прикажет.

— А если мы не поедем? — спросил Бокалов.

— Вы будете жалеть об этом всю свою жизнь,— строго сказала женщина.

— Ну хорошо... Опишите нам эту... Марию Николаевну.

— Вы ее узнаете сразу. Спешите и ничему не удивляйтесь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Как рассказывал потом Ванин, ни разу за всю его двухлетнюю автолюбительскую практику ему не доводилось ехать по Москве с такой ураганной скоростью.

— Да, ты, пожалуй, прав, Семен: нас вовлекли в какую-то петрушку, и сейчас, я считаю, нам уже поздно отступать.

— Я тоже считаю. Должен же быть у этой истории конец!

— Вообще говоря, у меня было большое желание сказать этой женщине, что мы не верим ни единому ее слову,— улыбаясь, сказал Бокалов,— но ты знаешь, меня остановила ее последняя фраза: «Ничему не удивляйтесь».

В главном зале Дома моделей мягко звучала оркестровая музыка. На небольшом возвышении в ритме мелодии проходили девушки в нарядных платьях: белых, розовых, синих, украшенных кружевом и цветами. Перед возвышением стояли заполненные зрителями ряды кресел. Когда Бокалов и Ванин сели на свободные места, на них начали с улыбкой оглядываться. И в самом деле, мужчины были здесь весьма редкими гостями.

Перед зрителями появилась стройная девушка в изящном вечернем платье. Бокалов достал из футляра фотоаппарат и едва не выронил его из рук.

— Что это?..

Ванин обернулся и вздрогнул. Вдоль первого ряда кресел медленно прохаживалась высокая женщина лет пятидесяти в черном платье с указкой в руке. Бокалов и Ванин привстали. Нет, это не могло быть ошибкой! Оба они были в ясном уме и твердой памяти. С этой женщиной, именно с этой женщиной, четверть часа тому назад они расстались в доме на Садовой...

— Миша, ущипни меня,— прошептал Ванин.

Женщина подошла ближе, и Бокалов неуверенно сказал:

— Простите... Вы Мария Николаевна?..

— Да,—спокойно ответила женщина.— Я жду вас. Как видите, я занята. Предпраздничные часы-пик. Почему вы так удивлены? Мы же с вами видимся сегодня уже второй раз. Не правда ли?

Все еще не придя в себя от изумления, Бокалов посмотрел на Ванина. Ванин — на Бокалова.

Между тем женщина в черном куда-то скрылась. Впрочем, она не заставила себя ждать и тут же вернулась с коробкой в руках. Отозвав приятелей кивком головы, она отошла в сторону и остановилась в тени колонны.

— Немедленно поезжайте по адресу, который написан на коробке. Найдите Костромину и отдайте ей это. Остальное вы узнаете от нее.— Она протянула руку Бокалову и Ванину.— Вы очень приятные молодые люди, и мне вас даже немножко жаль. Прощайте.

Бокалов вышел на улицу вслед за Ванивым, и, уже садясь в машину, он прочитал на картонной, перехваченной шпагатом коробке: Стромынка, 9.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Если на ваших глазах комнату в шестнадцать квадратных метров одновременно заполняют шестнадцать человек, если люди эти молоды и все они громко смеются и громко говорят одно-

временно на нескольких языках с преобладанием русского, можете с полным основанием считать, что вы находитесь в одном из столичных студенческих общежитий.

Если же при этом вы еще чувствуете аппетитный запах жареного мяса с луком и слышите громкие реплики: «Из тебя такой же повар, как из ледяной сосульки резец!», «Ласло! Где масло?», «Девочки, лично я освоила гуляш!», «Не делайте из пищи культа!», «Кто вызывал дегустатора?», «Ружена, будь человеком — научи коллектив делать кнедлики!»,— вы можете с абсолютной уверенностью заключить, что вы попали на кухню студенческого общежития в день получения стипендии, накануне праздника.

Кухня находилась в самом конце коридора. Бокалов и Ванин шли на шум, как самолет идет на радиомаяк.

Их появления на пороге кухни никто не заметил. И тогда Бокалов тронул за плечо смуглого парня в цветастом переднике:

— Будьте любезны, скажите, где мы можем видеть Костромину?

— Тамару Костромину? — с легким акцентом переспросил парень, выходя в коридор.— Она только что вышла на улицу. Она сказала, что к ней кто-то должен приехать по личному делу.

— Спасибо,— кивнул Бокалов.— До свидания.

— Висонт латашра,— сказал парень по-венгерски и сам же перевел: — До свидания.

Выйдя из подъезда, Бокалов и Ванин увидели перед собой девушку в лыжном костюме и вязаной шапочке. Весь облик незнакомки выдавал крайнее беспокойство.

— Вы ищете Костромину? — спросила она.

— Да.

— Это я. Умоляю вас, быстрее!

— Нам поручили передать вам эту коробку,— сказал Бокалов, глядя на девушку, почему-то ожидая увидеть на ее лице улыбку благодарности. Но девушка не улыбалась.

— Что вы нам можете сообщить? — спросил Ванин.

— Тише! — Девушка испуганно оглянулась.— На катке Сокольнического парка ровно в семь часов у выхода на главный круг вы увидите человека в желтой фуфайке. От него вы все узнаете. Прощайте!

— Подождите... — сказал Бокалов, но девушка уже исчезла в подъезде.

— Миша! Когда это кончится? — простонал Ванин.— Может, нам плюнуть на это дело и поехать домой?

— Нет. Мне кажется, мы близки к разгадке,— сказал Бокалов, открывая дверцу машины.— Поедем где-нибудь закусим и оттуда на каток.

Когда синий «Москвич» отъехал от здания общежития, в одном из его ярко освещенных окон раздался приглушенный выстрел, и в то же мгновение погас свет.

Ни Бокалов, ни Ванин выстрела не слышали. Они были уже далеко.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Над просторным заснеженным парком гремел радиовальс.

В зеркальной поверхности льда отражались разноцветные огни. В самом центре круга высилась гигантская елка, увешанная сверкающими гирляндами, шарами, китайскими фонариками.

Вокруг елки кружился нескончаемый веселый хоровод. Взявшись за руки, проносились пары, звонко хрустел декабрьский лед.

Рядом на площадке катались фигуристы, и коньки их рисовали на льду легкие замысловатые узоры.

Бокалов с Ваниным стояли у входа на главный круг. Ванин взглянул на часы — было ровно семь. В ту же минуту откуда-то из-за поворота появился конькобежец в яркожелтой фуфайке. Резко затормозив, неизвестный спросил:

— Кто из вас Бокалов?

— Я.

— Держите,— сказал конькобежец и протянул Бокалову синий конверт.

— Минуточку! — крикнул Бокалов, но было уже поздно: многолюдный пестрый хоровод поглотил незнакомца.

Друзья вернулись в машину. Разорвав озябшими пальцами конверт, Бокалов достал из него четвертушку бумаги и прочитал: «Немедленно возвращайтесь домой. Разгадка в ящике для писем. Мужайтесь».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Бокалов в сопровождении Ванина вошел в квартиру, и все соседи высыпали в коридор. Они смотрели на него с таким нескрываемым любопытством, что Бокалов невольно насторожился. Видимо, в его отсутствие что-то произошло. Впрочем, Бокалов не знал о том, что содержание полученного утром таинственного письма известно уже всем соседям.

Взяв ключик, Бокалов вышел на площадку и открыл ящик для писем. Через минуту он вернулся с синим конвертом, точно таким, какой получил на катке от незнакомца.

Войдя к себе в комнату, Бокалов плотно затворил дверь и осторожно распечатал конверт.

Пробежав глазами первые строки, Бокалов схватился за голову и в изнеможении опустился на тахту.

— Вот подлец!..

— Кто? — еще ничего не понимая, спросил Ванин.— От кого это?

Швырнув в угол шапку, Бокалов, смеясь, прочитал письмо вслух:

— «Дорогой Миша! Как ты знаешь, я до 1-го нахожусь в отпуске. На днях встретил ребят из редакции. Все озабочены, что бы такое дать позанятнее на последних страницах новогоднего номера. Мишка, ты меня извини, шифровку и все остальное написал тебе я. По всем пунктам твоего маршрута я проделал большую авторскую и режиссерскую работу. Основные роли исполняли: Валя-парикмахерша, чудная девушка, у которой я стригусь года три. Зловещего старика изобразил мой родной дядя, Василий Васильевич Смирнов, заслуженный артист республики. Он приехал на недельку в Москву из Свердловска вместе со своей супругой Верой Николаевной, тоже артисткой драматического театра. В Доме моделей твое воображение потрясла милейшая женщина Мария Николаевна, родная сестра Веры Николаевны, они близнецы. Из Дома моделей ты повез в коробке домашние коржики дочке Марии Николаевны Томочке Костроминой. На катке свою скромную, но все же таинственную роль незнакомца исполнил томкин приятель, студент МГУ.

Мне кажется, что ты с пользой проехал весь маршрут и теперь найдешь много интересного для журнала. О каждом твоем посещении мне докладывали по телефону. Я от этого дела, признаюсь тебе честно, получал огромное удовольствие. Думаю, что если ты дашь фото, а Ванин рисунки (о том, что он ездил с тобой, я узнал от Вали, она описала мне его внешность) и все это хозяйство вы подтекстуете, может, помоему, получиться ряд жанровых предновогодних зарисовок.

В общем, давай, Миша, действуй. Поздравляю тебя и Ванина с наступающим. Желаю творческих успехов. Обнимаю. Твой Андрей Макаров.

P. S. Первого числа заедем на Садовую. Старики мечтают еще раз на тебя посмотреть. И, кстати, ты вернешь Василию Васильевичу фотоснимок в роговых очках. На этом снимке изображен сам В. В. в роли профессора из спектакля «В добрый час!»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Предлагая данную повесть любезному вниманию читателей, автор считает своим долгом внести полную ясность по линии отдельных деталей, неизвестных даже автору последнего письма.

Во-первых, по поводу случайного выстрела (см. главу 8): как удалось установить автору, звук, напоминающий выстрел, издала лопнувшая электрическая лампочка мощностью в 500 ватт, какову в тайне от коменданта общежития ввернули в своей комнате студенты 3-го курса биолого-почвенного факультета.

Во-вторых, по поводу фотографий (см. главу 1). Они упомянуты автором чисто случайно, и, как заметили читатели, никакой роли эти фотографии в сюжете повести не играют.

И, наконец, последнее. Если уважаемые читатели не очень скучали, читая эту короткую повесть, автор выражает по сему поводу свое глубокое удовлетворение и также пользуется случаем, чтобы горячо поздравить всех читателей с Новым годом.

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

— Что случилось в Третьяковке? — скажет обеспокоенный читатель, взглянув на рисунок художника-карикатуриста Ивана Семенова.— Почему такая паника? Куда спешат герои наших любимых картин и их славные творцы и создатели?

Не волнуйтесь, ничего особенного не случилось. Просто в помещении Третьяковской картинной галереи устраивается очередная художественная выставка, а постоянная экспозиция перемещается в подвалы и запасники. Вот и все!

Почтенные деятели выставочного комитета (наверху слева) уже сурово застыли на пороге главного зала, и нашим общим любимцам, товарищ читатель, приходится поторапливаться, к чему их и призывают покладистый перовский «Рыболов», легкомысленный федотовский кавалер и сам автор с гитарой подмышкой (наверху слева).

Остальные герои знаменитых картин, как видите, по-разному реагируют на неприятности, связанные с очередным «великим переселением живописных народов».

В то время как древние иудеи с картины А. А. Иванова «Явление Христа народу» довольно нервно и торопливо спускаются вниз по лестнице, «птенец гнезда Петрова» проштрафившийся Меншиков с философским спокойствием взирает на всю эту суматоху. Что для него временная ссылка в подвал Третьяковки, когда он уже испытал ссылку в Березово?!

Понуро и покорно бредут в запасник пленные наполеоновские гренадеры с картины Прянишникова, конвоируемые партизанами 1812 года. Им что, они пленные, они возражать начальству не могут: куда ведут, туда и идут! Зато репинский «Протодиакон» протестует изо всех сил, доказывая своему автору, что для духовного лица подобные переселения «непотребны и зазорны».

В самом выгодном положении оказались саврасовские грачи. Для птичек переселение не проблема: недавно «Грачи прилетели», а сейчас «улетают».

Хуже приходится суворовским чудо-богатырям со знаменитой картины В. И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы». Но... на то они и «чудо-богатыри». Прославленный генералиссимус подал команду — и... храбрецы посыпались вниз.

Бедняга Айвазовский спешит вычерпать ведрами одно из своих знаменитых морей, а Перов на собственных плечах тащит в запасник свою тяжелую, мокрую «Утопленницу». А Шишкин? Посмотрите, старик совсем изнемог под тяжестью известной всем сосны, на стволе которой уселись перепуганные медвежата. Верещагину при его солидном возрасте тоже нелегко бежать следом за своим солдатом в тот же запасник. Куинджи пришлось вырубить «Березовую рощу», чтобы «очистить помещение», а Сурикову — самому взять на руки свою боярыню Морозову. Упрямая боярыня явно не желает переселяться. Она оглашает зал неистовыми воплями, призывая кары небесные на головы членов выставочного комитета. И только молодой шафер из замечательной картины Пукирева «Неравный брак», как нам показалось, доволен переселением в подвал: он надеется в этом укромном месте свести счеты с богатым старым козлом, отбившим у него невесту!

Все спешат, все волнуются, даже солидный Понтий Пилат на картине Ге. Он торопит сына человеческого для того, чтобы в спокойной обстановке получить наконец от него ответ на вопрос: «Что есть истина?»

Мы позволим себе ответить читателям «Огонька» на этот «проклятый вопрос». Истина, повидимому, заключается в том, что Москве давно уже пора иметь просторное, хорошее помещение для всесоюзных художественных выставок. А Третьяковская галерея — это именно Третьяковская галерея! И пусть там спокойно висят на своих местах великолепные полотна старых русских живописцев, дорогие уму и сердцу каждого советского человека.

Леонид ЛЕНЧ

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

Снег

Сильва КАПУТИКЯН

Засыпал снег, засыпал снег
сосновый подмосковный лес
и версты пройденных дорог
и даль укрыл платком небес.

Стоит дом отдыха в лесу.
Сегодня здесь и шум и смех.
Сегодня все засыпал снег
и молодыми сделал всех.

И нет усталых и седых,
и все мальчишки в этот час.
Летят снежки туда-сюда,
блестят в лесу десятки глаз.

Отбросил парень костыли,
и нет спасения врагу.
Бежит профессор весь в снегу,
очки снимая на бегу.

И очень девушкам смешно,
что жжет огнем носы мороз.
Бросают девушки снежки,
не отряхая снег с волос.

А на скамейке генерал
сидит верхом, как на коне,
и приказанья отдает
то той, то этой стороне.

Разгорячился генерал,
шинель распахнута на нем,
и планок орденских ряды
горят на кителе огнем.

Засыпал снег, засыпал снег
сосновый подмосковный лес
и версты пройденных дорог
и даль укрыл платком небес..

Перевела с армянского
И. Снегова.

Елка

А. КОВАЛЕНКОВ

Вся в блестках — от пят
до макушки —
Оборки расправила елка.
Она убежала с опушки
От страшного серого волка.

В уюте домашнем оттаяв,
Теплом новогодним согрета,
Она для гостей и хозяев
Веселья и счастья примета.

Еще остается минута —
Сверкнет поздравленьями вечер;
На елке огнями салюта
Зажглись украшенья и свечи.

Красавица вправе гордиться
Своим драгоценным нарядом;
Снегурочка, синяя птица
С голубкой серебряной рядом.

Волшебная звездочка светит,
Бокалы, звеня, повстречались...
А волк!
Он придуман, чтоб дети
Волков только в сказке боялись.

Про елку

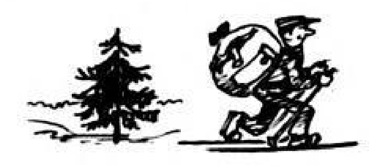
СИЛА ПРИВЫЧКИ

Ю. Узбяков.

1

2

3 **НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ ТУРИСТА**

Ю. Черепанов.

— Тетя, а вы тоже елка?

Ю. Андреев.

— Папа елку купил!..

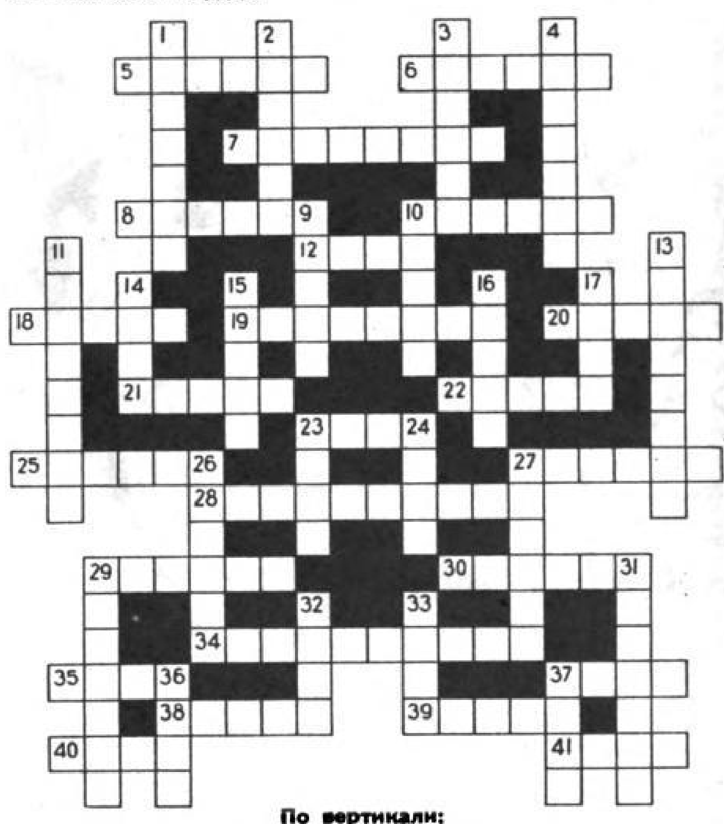
С. Кузьмин.

Шуточно-лирический КРОССВОРД

В. ГРАНОВ, С. ЕГОРОВ, М. ПУСТЫНИН

По горизонтали:

5. В романах популярна чрезвычайно на фоне стана, домны иль комбайна. 6. Мозги ломать не надо: см. слово «Серенада». 7. Порой насаждает музгизовский бард рябину, калину и прочий . . .. 8. Объединяет все слова этого кроссворда по горизонтали и вертикали. 10. Он на свиданье опоздал. Готова сцена,— и плачет девушка: «Коварная . . .!» 12. Незнаком ветрогону, клянущемуся в вечной любви — сегодня Маше и Соне, а завтра — Даше и Тоне. 18. Псевдоним дачи. 19. Романс. Приглашает на балкон в случае, когда устойчив он. 20. Эпитет, без которого не обходится ни одна частушка. 21. Ряды деревьев, мимо которых проходят ряды влюбленных. 22. Лиричней юноши в драматургии нет. Нам подтвердит и не шекспировед. 23. Непременный компонент свадьбы. 25. Прогулка за город, в лесную зону. Под новый год, отнюдь не по сезону. 27. В книжных магазинах встречается в сказочно малом количестве. 28. У нас в быту такое слово редко, его старинная лелеет оперетка. 29. Чтоб до любимой поскорей оно дошло, его не в ящик опускайте, а в дупло. 30. Любимое слово критика, оценивающего произведение своего закадычного приятеля. 34. Процедура, к которой влюбленный готовится, как к экзаменам, подчас прибегая к шпаргалке. 35. Набирается бегуном, чтобы прыгнуть на ходу в трамвай, в котором мелькнуло лицо знакомой девушки. 37. Не попадает в поле зрения поэта, который описывает пейзажи, не выходя из своего кабинета. 38. Вскружила голову крыловской вороне, но не вскружит головы умным девушкам. 39. С ударением на первом слоге — лирическая опера, с ударением на втором — лирическая драма в жизни. 40. Она грустна: — «Людей с Земли все нету! Ракету мне! Ракету!» 41. Предлагается без отрыва от сердца.

По вертикали:

1. Не всегда приятен, особенно, когда влюбленные, придя в загс, видят на дверях табличку: «Закрыт на ремонт»... 2. Влюбленным он служил не раз взамен цветистых пышных фраз. 3. Иногда проявляется редактором, превращающим явно лирическое произведение в сугубо прозаическое. 4. Место хранения лирических произведений в некоторых редакциях. 9. Расцветает в чувствительных романсах, посвященных осенней поре. 10. Так иногда характеризуют друг друга молодожены до первой ссоры. 11. Рассеянный жених без опоздания не приходил ни на одно . . . 13. Часто под кущей деревьев зеленых красит в зеленую краску влюбленных. 14. Поэтами из года в год, без зазрения совести рифмуется в новогодних стихах со словами «иголка» и «волка». 15. Мечтает «стиляга»: у девушек всех тарзаньей прической пожнет он . . . 16. Площадка для свиданий и теплых встреч даже в тридцатиградусный мороз. 17. Зрелище, где мелкие сюжеты зачастую даются крупным планом. 23. Место отдыха людей, трамваев, троллейбусов и автобусов. 24. Упоминается в известной песне о Стеньке Разине и персиянке. 26. Хотя оно и старомодно, но у иных молодоженов и ныне модно. 27. Тот не поймет лирического скерцо, в ком слух отсутствует и . . . 29. Заключительный кадр в диафрагму. 31. И стар и млад твердит, что нет ее грустней, немало песен сложено о ней. 32. Родитель думает: «В семью кого бы взять? Попался б мне номенклатурный . . .!» 33. Поэт: — Я посещу колхозы все окрест! Читатель: — Не верю,— это только . . .! 36. Слово отнюдь не лирическое. О, если бы некоторые издательства почаще включали в него лирику. 37. В новогоднюю ночь зазвучали баян и гитара. В вихре вальса кружится за парою ...

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52 за 1955 год

По горизонтали:

3. Миролюбие. 7. Спартакиада. 10. Выборы. 13. «Гамлет». 14. Грамота. 17. Квота. 18. Народ. 19. Коммюнике. 23. Декан. 24. Иркут. 25. Фасад. 27. Дели. 29. Ашуг. 30. Парламент. 31. Олифа. 32. Надир. 33. Жатва. 34. Копулировка.

По вертикали:

1. Китай. 2. Пикап. 4. «Искра». 5. Чабан. 6. Рубцова. 8. Атом. 9. Полигон. 11. «Триумф». 12. Иттрий. 15. Чаква. 16. Днепр. 20. Югославия. 21. Целестин. 22. Кукуруза. 25. Фарфор. 26. Дренаж. 28. Ипподром. 29. Атлетика.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин с Выставки произведений художников РСФСР и табель-календарь на 1956 год.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 07226. Подп. к печ. 29/XII 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд № 7. Заказ 3418. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Всякая всячина

— Раз—два, взяли!..
В. Соловьев.

Муки творчества.
В. Соловьев.

— Как ты думаешь, Зоечка, это интересный фильм?
— Судя по объявлению, должен быть интересным...
Борис Лео.

Изошутка И. Оффенгендена.

— Надеюсь, дорогая, этот цветок тебе понравится...
Е. Гуров.

Доктор прописал ему лыжные прогулки...
Ю. Узбяков.

Цена номера 3 руб.